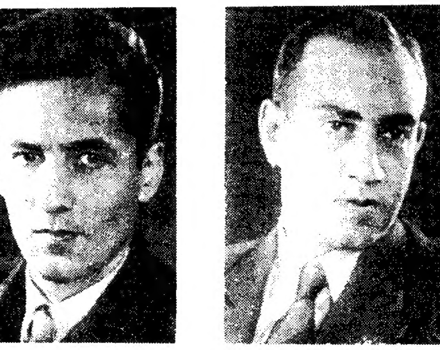
Огонёк

№ 12—13 31 МАРТА 1943 ГОДА

М. В. КОВАЛЬ.

А. И. ХАЧАТУРЯН.

В. Я. ШЕБАЛИН.

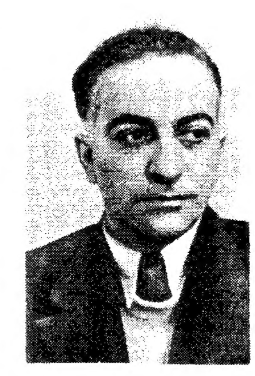

В. В. СОФРОНИЦКИЙ.

Д. Ф. ОЙСТРАХ.

А. М. ГЕРАСИМОВ.

М. Г. МАНИЗЕР.

Р. Н. СИМОНОВ.

А. Д. ПОПОВ.

А. Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ.

Р. В ЗАХАРОВ.

П. В. ВИЛЬЯМС.

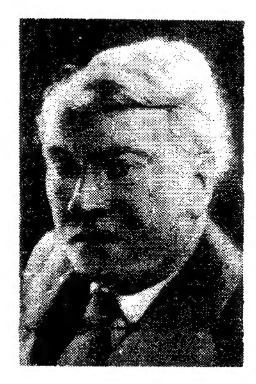

А И. БАТУРИН.

Е. Д. КРУГЛИКОВА.

Н. Д. ШПИЛЛЕР.

А. М. ПАЗОВСКИЙ.

Л В. БАРАТОВ.

Ф. Ф. ФЕДОРОВСКИЙ.

ПРИВЕТ ЛАУРЕАТАМ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ!

М. Э. ЧИАУРЕЛИ

А. А. ХОРАВА.

А. Н. ТОЛСТОЙ.

В. Л. ВАСИЛЕВСКАЯ.

М. Ф. РЫЛЬСКИЙ.

М. В. ИСАКОВСКИЙ.

НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

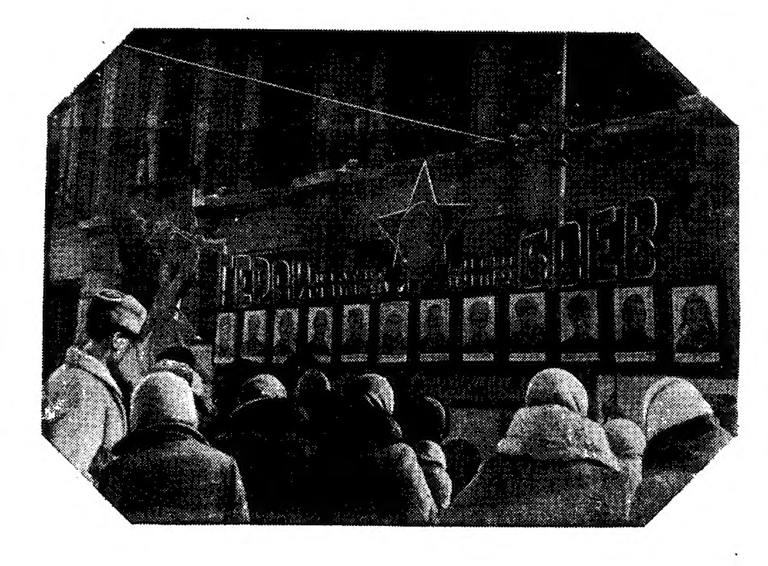

Вверху: слева — Ольга Лисикова, единственная в СССР женщина—командир транспортного самолёта. Окончила Батайскую лётную школу в **1937** году. Участница войны с белофиннами. С начала великой отечественной войны летала на связных самолётах, перевозила раненых, доставляла медикаменты, кровь для переливания и т. п. Награждена орденом Красного знамени. В центре: сержант Иван Иванович Богатырь — один из лучших разведчиков морской пехоты Черноморского флота. Ему присвоено звание Героя Советского Союза. Справа: знатная трактористка — бригадир Дарья Гармаш. Бригада Дарьи Гармаш (Рыбновская МТС, Рязанская область) вышла победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании женских тракторных бригад. В центре: митинг на эсминце «Сообразительный» в связи с преобразованием корабля в гвардейский. Выступает командующий эскадрой вице-адмирал Владимирский. На снимках внизу: слева — на одной из улиц Ростова на Дону устроена витрина, посвящённая героям боёв за освобождение города от фашистских захватчиков. Жители Ростова с любовью вглядываются в лица героев, принесших им избавление от кровавого режима гитлеровцев. Справа: в освобождённых районах Кубани начался весенний сев. «По-фронтовому проведём сев **1943** года!» — с этим лозунгом встречают колхозники вторую фронтовую весну. Тракторы Ново-Леушковской МТС, Краснодарского края, отремонтированы и выезжают на колхозные поля.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

21-й ГОД ИЗДАНИЯ

№ 12—13 (825—826)

Суббота, 31 марта 1943 года.

В НОМЕРЕ:

На обложке: лауреаты Сталинских премий 1942 года — выдающиеся деятели литературы и искусства. **На последней странице обложки:** лауреат Сталинской премии скульптор К. М. Мерабишвили за работой над памятником Шота Руставели. Монтаж обложек худ. А. Житомирского.

ЛАУРЕАТЫ СТАЛИНСКИХ ПРЕМИЙ

Под гром орудий, в разгаре Великой отечественной войны с фашистскими извергами и вандалами, наш народ провёл очередной смотр боевому авангарду советской культуры. Лаврами Сталинских премий увенчаны таланты и творения лучших наших людей, вдохновенно и страстно кующих победу, единых в своём пламенном патриотическом порыве с героической Красной Армией, со всем народом.

Беспредельная любовь к родине, безграничная ненависть к врагу окрыляют деятелей советского искусства, знаменосцев передовой науки — от учёных с мировыми именами до рядовых рабочих, новаторов и изобретателей, стяжавших себе всенародную славу своими исключительными заслугами в оснащении вооружённых сил советского государства всем необходимым для борьбы с врагом и победы.

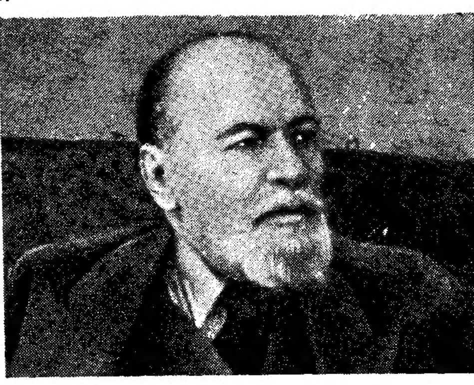
Всё для победы, все силы на разгром гитлеровских разбойников! Таков боевой клич, грозный и сокрушительный, всего нашего народа. Он вдохновляет на подвиги и бойца на фронте, и проникновенный труд учёного, и пытливость изобретателя, и неутомимость исследователя, творчество художника, артиста, писателя, поэта.

Привет лауреатам Сталинских премий!

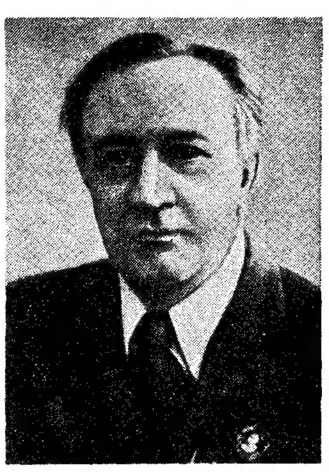

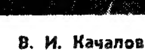
А. Е. Корнейчук

Л. М. Леонов

В. И. Немирович-Данченко

В. И. Качалов

М. М. Тарханов

О. Л. Книппер-Чехова

И. М. Москвин

А. В. Нежданова

К. Г. Держинская

ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Лауреаты Сталинских премий

А. С. Пирогов

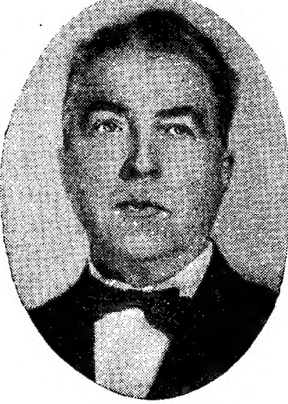

Н. А. Обухова

Е. В. Гельцер

А. А. Яблочкина

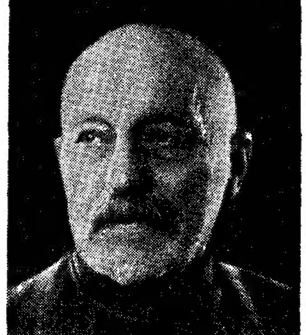

Е. Д. Турчанинова

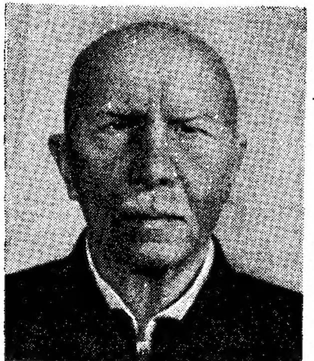

В. Н. Пашенная

А. А. Остужев

В. Н. Рыжова

П. М. Садовский

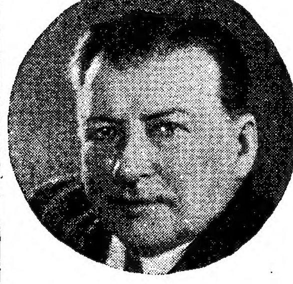

В. В. Вересаев

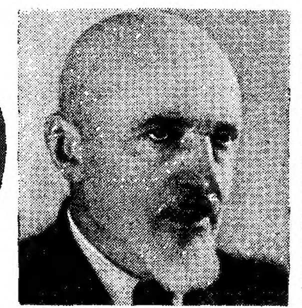

А. С. Серафимович

П. П. Кончаловский

В. А. Мичурина-Самойлова

Е. П. Корчагина-Александровская

Ю. М. Юрьев

К. Ф. Юон

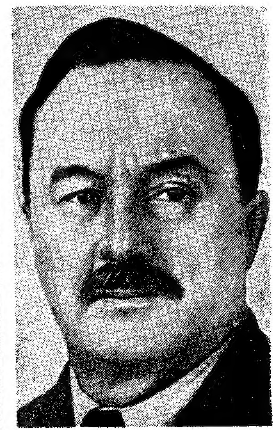

В. Н. Яковлев

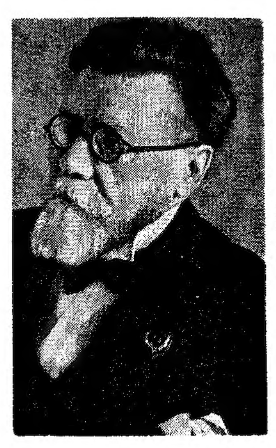
ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

Лауреаты Сталинских премий

П. М. Жуковский

П. Л. Капица

Н. П. Чижевский

М. А. Павлов

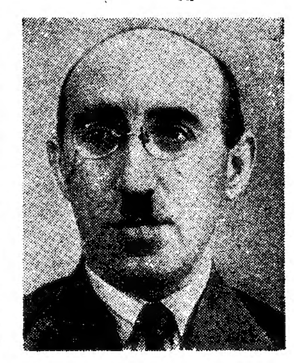

П. С. Александров

Г. Ф. Александров

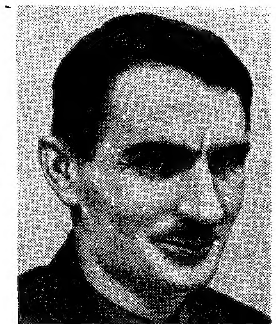

П. Н. Поспелов

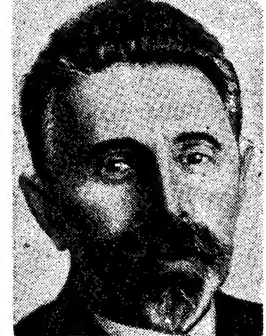

Е. М. Ярославский

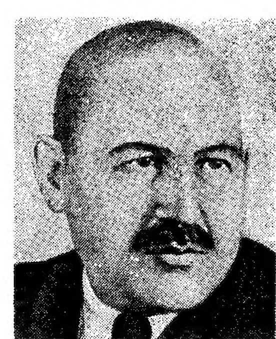

Е. В. Тарле

М. Б. Митин

В. Н. Шевкуненко

Т. Д. Лысенко

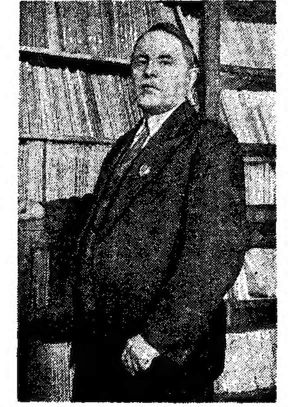

М. И. Авербах

В. П. Мосолов

А. А. Байков

В. И. Вернадский

Б. Е. Веденеев

С. С. Намёткин

К. И. Шенфер

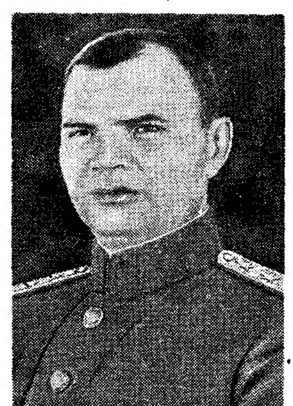
ВЫДАЮЩИЕСЯ ДЕЯТЕЛИ НАУКИ

Лауреаты Сталинских премий

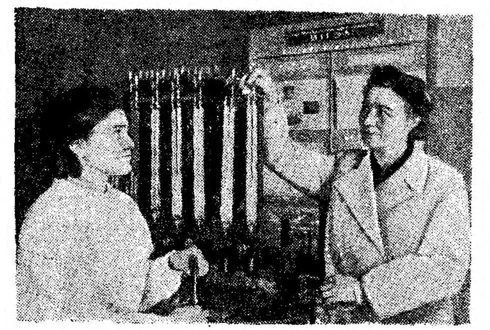

Н. А. Блохин

А. Г. Шереметьев

И. Н. Голиков

В. Г. Грабин

И. И. Иванов

З. В. Ермольева (справа) и Л. М. Якобсон

С. В. Ильюшин

Ж. Я. Котин

Н. Н. Кузнецов

С. А. Лавочкин

А. К. Юткина

М. А. Комиссарчик

Вверху (слева направо): П. О. Сухой, А. Н. Туполев, А. Д. Швецов; внизу: Н. Н. Поликарпов, И. Ф. Маспенников, В. П. Бармин.

А. С. Яковлев

С. Ф. Смирнов

ВЫДАЮЩИЕСЯ ИЗОБРЕТАТЕЛИ, КОНСТРУКТОРЫ И НОВАТОРЫ ПРОИЗВОДСТВА

САМОЛЁТ НЕ ВЕРНУЛСЯ НА БАЗУ

Повесть

(Продолжение *)

Л. НИКУЛИН

Рисунок Л. Бродаты.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Лётчики морской авиации капитан Терехов и лейтенант Савушкин, выполняя боевое задание, вылетели на фронт. За линией фронта, над расположением врага, они встретили шестёрку «мессершмиттов» и атаковали их. После короткого воздушного боя Терехов сбил два «мессершмитта», молодой лётчик Савушкин — один, но вражеский снаряд угодил в мотор самолёта Терехова. Самолёт Терехова стал стремительно падать. Терехову всё же удалось посадить его в лесной глуши на поляне, но в расположении врага.

В полку все считают Терехова погибшим и жалеют о нём — о хорошем товарище и бесстрашном, опытном лётчике-истребителе. Но Терехов не погиб. Он переносит тягчайшие испытания, едва не замерзает в лесной глуши, пробираясь через глубокие снега на восток, в полном одиночестве, не зная точно, где находится.

* * *

На следующий день, около полудня, Терехов увидел следы человека. Собственно, это не были следы в прямом смысле этого слова: он нашёл брошенную кем-то охапку хвороста. Он прошёл ещё немного и увидел впадину в снегу, обгорелый кустарник вокруг. Раскопав снег, он увидел угли и пепел костра. Что-то яркосинее мелькнуло в воздухе, когда он отбрасывал в сторону снег. Он перестал копать и увидел синюю гарусную варежку — детскую рукавичку.

В раздумье стоял он над этой странной находкой. Варежка была связана акуратно, даже любовно, чьей-то заботливой рукой.

Как она попала сюда, в эту лесную глушь? Задумчиво он мял её в руке, вспомнил о своём Феде, вздохнул и стал соображать, куда могли направиться люди, потерявшие здесь детскую варежку. Он выбрал самый лёгкий путь, где меньше было кустарника, хотя этот путь немного уклонялся к северу от намеченного маршрута. Он шёл ещё два часа, увидел надломанную ветку и решил, что выбрал правильную дорогу. Странная находка как-то успокаивала его. Люди, потерявшие детскую рукавичку, вряд ли были врагами.

Холодный, сияющий круг солнца стоял в небе; мороз ещё усилился, снег хрустел под ногами, морозная дымка окутывала лес. Вдруг Терехов вздрогнул: в стволе молодой ели торчал топор.

На всякий случай Терехов достал из кобуры пистолет. Он шёл осторожно, досадуя на хруст снега, держа дуло пистолета книзу, и увидел среди деревьев что-то похожее на занесённый снегом шалаш.

Он остановился, потом сделал ещё несколько шагов и понял, что каждый шаг его далеко разносится по лесу — подойти неслышно всё равно не удастся.

Держа палец на спусковом крючке, он подошёл к шалашу.

Перед шалашом он увидел следы давно погасшего костра. Он нагнулся, заглянул в шалаш и увидел ноги в валенках и что-то, покрытое тулупом.

— Эй-эй! — на всякий случай крикнул Терехов, хотя тут же подумал, что вряд ли человек будет мирно спать в шалаше в тридцатиградусный мороз. Он согнулся и вошёл в шалаш. В полутьме он разглядел двух людей, лежавших на снегу, прикрытых тулупом. Он приподнял тулуп и увидел между двух приникших друг к другу в последнем объятии людей маленькую, детскую фигурку. Безмолвно он глядел на мертвецов, мужчину и женщину, отца, мать и их дитя, которое они, замерзая, хотели отогреть собственным дыханием, собственным теплом.

Кто были эти люди, бежавшие от не знающего жалости врага и нашедшие смерть в лесу? Горячая волна ярости обожгла с ног до головы Терехова. Он долго глядел на детский трупик. Одна ручка ребёнка была обмотана материнским платком, другая была в яркосиней варежке.

Он вышел из шалаша. Вероятно, это произошло несколько дней назад, а может быть, и месяц. Трупы превратились в лёд. Он нашёл походную сумку и в ней карту, компас. Никаких бумаг, ничего бросающего свет на эту лесную трагедию...

Как и чем заплатить врагу за этих неизвестных мертвецов, за всё то горе и смерть, которые он принёс нашей земле?

* *
*

Каждый раз, когда лётчик морской авиации капитан Терехов заполнял анкету, он видел в лице принимающего её некоторое изумление. В графе «Занятие родителей до революции» было написано: «Отец — капельмейстер военного оркестра, мать — домашняя хозяйка»; в графе «Бывшее сословие родителей» значилось: «Отец — личный почётный гражданин». Порой приходилось объяснять, что личное почётное гражданство получал каждый окончивший специальное музыкальное учебное заведение, что звание это дали отцу Терехова не за особые личные заслуги перед старым режимом.

Отец Терехова окончил консерваторию по классу духовых инструментов и, призванный накануне мировой войны, был зачислен в музыкантскую команду. Получилось так, что он остался в полку и прослужил на военной службе почти четверть века, из них двадцать лет был полковым капельмейстером.

А случилось это так потому, что полк, в котором служил Пётр Петрович Терехов, был одним из немногих полков старой армии, которые в 1918 году почти в полном составе вошли в Красную Армию. И капельмейстер полкового оркестра Терехов сохранил духовой оркестр, которым гордилась доблестная дивизия эпохи гражданской войны, дивизия легендарного начдива Азина.

Музыкант-неудачник Пётр Петрович Терехов мечтал дать сыну музыкальное образование. Мальчик ещё в годы мировой войны, в раннем возрасте, потерял мать, и воспитанием сына занялся отец. На беду, у юноши Терехова оказался приятный голос, и, размышляя о будущем сына, отец мечтал о карьере оперного певца. Юрий дремал под рассказы отца о великих певцах Фигнере, Давыдове, но мог часами слушать рассказы о мировой войне и войне гражданской, о храбрейшем начдиве Азине.

Военный оркестр был слабостью Азина, он состоял при начдиве вроде боевой части. В горячие дни музыканты чуть не первыми входили в отбитые у белых города и последними уходили из города, когда приходилось отступать. Вмятины на трубах оркестра, бас-геликон, простреленный

Терехов ударил его рукояткой пистолета по голове.

* См. «Огонёк» № 10-11.

двумя пулями,— всё это было памятью о гражданской войне.

В душе полкового капельмейстера жил старый военный, и это очень радовало Юру Терехова. Небольшой волжский городок, где стоял полк, знал сына капельмейстера как вратаря футбольной команды, как хорошего пловца и гребца и меньше знал его как запевалу хора кружка самодеятельности. Здесь Юра Терехов охотно уступал лавры запевалы сыну дьякона Рождественского. Но на футбольном поле он никому не уступал своего места у ворот.

Юрий Терехов любил воду, любил Волгу и старенькие буксирные пароходы, о которых рассказывали, что в годы гражданской войны они были военными кораблями Волжской военной флотилии. Он мечтал о больших современных морских кораблях, но в годы юности видел их только в кино. Он хотел быть моряком, запоем читал Станюковича, а отец заставлял его читать историю музыки.

Однако на пятнадцатом году жизни резко изменились все юношеские увлечения Юрия Терехова.

На пятнадцатом году жизни он был свидетелем вынужденной посадки пассажирского самолёта общества «Добролёт». Он прибежал первым к пустырю, где опустился самолёт, и долго, не отрываясь, смотрел на гофрированные алюминиевые крылья, на тяжеловесную, теперь уже давно забытую машину. Он был первый, прибежавший к месту посадки, и пилот разрешил ему подняться в кабину. Здесь всё было полно необычайного интереса для юноши.

Он знал мотор трактора «Фордзон», он умел водить старенький грузовик «АМО»: этому научил его шофёр совхоза «Новая заря», болельщик футбола. Но управление самолётом и самый самолёт были для него чудесной тайной.

Грузная машина пробежала по пустырю, подняла в степи тучу пыли и, оторвавшись от земли, исчезла, направляясь на запад. И унесла с собой сердце Юрия Терехова.

Как только Юрий кончил десятилетку, он сказал отцу, что с пением всё кончено, что о карьере оперного баритона не может быть речи, и он поступает в лётную теоретическую школу в Ленинграде. Ни в первый, ни во второй год ему не удалось поступить в лётную школу: не он один мечтал быть лётчиком. Только на третий год он оказался одним из тридцати двух комсомольцев, принятых в школу.

После тихого, пыльного городка на Средней Волге Ленинград, его дворцы, его набережные, его парки показались ему видением, которое рассеется, стоит только закрыть и вновь открыть глаза. Но видение не исчезало. С Дворцового моста он впервые глядел на тяжёлые, свинцовые воды Невы. Военный корабль стоял у набережной, и мелодичный бой склянок возвещал полночь. Над куполом Исакия кружил самолёт, серебряно-белая ночь лежала над великим городом. И Ленинград навеки завладел сердцем Юрия Терехова. Он стал родным городом волжанина. И потому с таким мужеством и яростью он защищал этот величественный город и прозрачное ленинградское небо от чёрных фашистских коршунов в день, когда произошла первая воздушная битва над Ленинградом.

После теоретической лётной школы в Ленинграде был Севастополь, тихий, чистый, как палуба военного корабля, городок, с тихими, голубыми бухтами, ослепительно белыми домиками Корабельной... Но Ленинград прочно и навсегда завладел душой Терехова.

Он не стал моряком, как мечтал в юности, но всё же оказался навсегда связанным с морем, с людьми моря: он стал морским лётчиком. И ощущал особенную гордость, когда моряки узнавали его и говорили друг другу: «Это наш». Он сражался над Кронштадтом и сбил в воздушном бою самолёт «капрони», на котором летел опытный итальянский лётчик. Вражеский самолёт упал в Кронштадте, вблизи морского кладбища. До отечественной войны Терехов сражался с белофиннами и сметал со льда финскую пехоту: в то время истребители ещё действовали как штурмовые самолёты.

Так Юрий Терехов, которого отец прочил в оперные певцы, стал лётчиком-истребителем. И был доволен судьбой. Он любил открытый воздушный бой с вражеским истребителем, воздушную дуэль с опытным и искусным в бою врагом, когда успех поединка зависел от внезапности нападения, отваги и в то же время от уменья навязать противнику бой в невыгодных для него условиях, от уменья использовать облачность, погоду, все метеорологические условия и во всём блеске показать своё превосходство в бою. Ему приходилось сбивать и вражеские бомбардировщики — здесь не было такого боевого задора, хотя он знал, что эти машины несли с собой груз бомб, несли смерть и разрушение любимому городу. Он сбивал немецкие бомбардировщики, и это была игра, игра стремительной, маневренной, лёгкой машины с неповоротливым и, в сущности, обречённым на гибель врагом.

Терехова знали, на него смотрели с надеждой. Моряки-кронштадтцы, видевшие с земли его искусство в бою с «капрони», пригласили его в кают-компанию, чтобы, по традиции, «обмыть» первый орден, которым наградили товарища, морского лётчика.

Здесь внезапно открыли, что лётчик Терехов, кроме признанного искусства — вести воздушный бой,— умеет музыкально и с чувством спеть романс Чайковского. Открытие это порадовало радушных и гостеприимных, по морской традиции, кронштадтцев.

— Вот что значит наш, ленинградец! — с чувством сказал командир корабля.

И Терехову, чтобы не разочаровать командира, пришлось умолчать о том, что он волжанин, а не ленинградец.

В сущности, он давно уже чувствовал себя коренным ленинградцем: со смертью отца ничто его уже не связывало с маленьким волжским городком. Он женился на девушке, родившейся и никогда не выезжавшей из Ленинграда. Они познакомились летом, на Островах, в парке культуры. Она только что окончила техникум; они были счастливы; у них родился сын, которого они назвали Федей. Единственное, что омрачало счастье Наташи, был страх потерять мужа. И старушки-тётки (они тоже не пережили трагической ленинградской зимы) вздыхали, когда вспоминали о том, что муж их любимой племянницы выбрал опасную профессию лётчика-истребителя. Но судьба решила так, что Юрий Терехов не погиб, а Наташа умерла в Ленинграде зимой, в феврале 1942 года.

Таким образом, у капитана Терехова, так же как у сотен тысяч советских людей, был особый, свой счёт с немцами. И теперь, в минуты смертельной опасности, в безнадёжном, казалось бы, положении, в лесных дебрях, на земле, захваченной врагом, Терехов думал о том, что он ещё не рассчитался с немцами за всё то горе и страдания, за муки и бедствия, которые те причинили его родине и ему, Юрию Терехову.

* *
*

Третья ночь в лесу была самой долгой, самой мучительной ночью в скитаниях Терехова. От лютого мороза стоял какой-то странный, непрестанный шум. Временами раздавался треск, похожий на пистолетный выстрел: это от мороза трещали деревья. Терехов протоптал дорожку вокруг костра: он боялся присесть, чтобы не заснуть. Это была третья бессонная ночь. Болела голова, губы его обметала лихорадка, подгибались колени. Он упирался спиной в ствол дерева и стоял, стараясь не заснуть. Временами его одолевала дремота, какой-то полусон-полуявь. Тогда ему чудились жёлтая, каменистая земля, земля аэродрома, синяя полоска моря, меловые домики Севастопольской слободки. Он, Юрий Терехов, молодой лётчик Севастопольской школы, слышит, как о нём говорят:

— Кто идёт в самостоятельный полёт?

— Пилот Терехов.

И вот он летит над Инкерманом, над голубой бухтой; вот под ним круглое здание, точно пятачок, панорамы на Историческом бульваре... Рядом с пилотом Тереховым сидит командир отряда Костенко, и ничего нельзя прочесть в его чуть прищуренных глазах. Равнодушно он следит за приборами, за движениями рук молодого пилота — и ни слова...

Терехов вздрогнул. Дремота прошла, снова ночь, и воздух звенит от мороза. Он оттолкнулся от дерева и пошёл по кругу, по тропинке, вытоптанной вокруг костра.

В сущности, всё, что с ним произошло,— это только начало пути. Где-то здесь, через несколько километров, он должен пересечь шоссе. Сколько раз он пересекал это шоссе, проходил бреющим полётом над лесом, который сверху кажется низкорослым кустарником. Думал ли он, что будет пленником этих северных дремучих лесов. На земле, в снегах, лишённый слушающейся его, покорной ему машины, он чувствовал себя беспомощным и безоружным. Одно чувство владело им и поддерживало его силы — это стремление на восток, к своим; и это чувство сильней и сильней овладевало им; и утром, когда он двинулся в путь, почувствовал, что силы его росли с каждым шагом. Когда же лес начал редеть, идти стало легче, где-то совсем близко должно было показаться шоссе — он должен был пересилить себя, чтобы остановиться и обдумать своё положение, прежде чем выйти на охраняемую немцами и очень важную для них дорогу. В унтах, в комбинезоне, с воинскими документами лётчика Красной Армии он выходил на шоссе в тылу у врага, один, не зная, кто его окружает, не зная, кто ему друг и кто — предатель.

Отдалённый, нарастающий шум проходящей машины — грузовика — привлёк его внимание. Сомнений не было: где-то вблизи было шоссе. Ждать сумерек или пересечь дорогу сейчас, рискуя попасть на глаза патрулям, охраняющим дорогу? Он всё же прошёл ещё сотню шагов и сквозь кустарник наконец увидел дорогу. Дальше он двигался ползком. В чистом, морозном воздухе явственно прозвучал голос человека. Впервые на четвёртый день скитаний Терехов услышал человеческий голос. Это была не совсем чистая русская речь, отдельные слова долетели до него. Гортанный, высокий голос произнёс: «...распоряжение...», «...господин обер-ефрейтор...»

Снег скрипел под ногами приближающихся людей. Сквозь опушённые инеем ветки Терехов увидел немца на лыжах, в короткой меховой куртке и с ним двоих бородатых людей, одетых в старые шинели.

Впервые Терехов видел немца не в воздухе, не у штурвала самолёта, а на земле, на родной русской земле, и больно стало за эту землю, осквернённую ногами немца-лыжника. Немец и двое бородачей с ружьями прошли в пяти шагах от Терехова по обочине дороги. Терехов ещё долго слышал его гортанный голос. Проезжавшие по дороге грузовики наконец заглушили голос немца.

Дорога в общем была пустынна, и это было понятно: обозы шли ночью, опасаясь наших самолётов.

Терехов увидел четыре грузовика. Что-то произошло с последним грузовиком: передние три машины остановились, и шофёры собрались у последнего, четвёртого грузовика. Они немного покричали, поспорили, временами поглядывая на небо. Откуда-то появились два мотоциклиста, видимо из охраны дороги, остановились и разогнали шофёров по машинам. Три грузовика двинулись дальше, четвёртый остался на дороге; шофёр его лежал, раскинув ноги, под грузовиком. Мотоциклисты тоже исчезли. Затем шофёр вылез из-под машины, сел за руль и включил мотор. Мотор работал. Шофёр вылез и стал собирать инструменты под машиной.

Трудно сказать, в какое мгновение Терехову пришла в голову мысль, которая впоследствии имела огромное значение для дальнейших событий его жизни. Может быть, в те секунды, когда шофёр собирал инструменты. Но, как только явилась эта сумасшедшая, дерзкая мысль, Терехов уже скатился в придорожную канаву и, перемахнув через нее, оказался у грузовика. Шофёр занёс ногу, собираясь сесть за руль, и в ту же секунду Терехов ударил его рукояткой пистолета по голове и почувствовал, как шофёр валится на него. Они упали вместе, затем Терехов свалил бесчувственное тело немца в канаву.

Дорога была пустынна.

Терехов поглядел на валяющееся в канаве тело, забросал голову шофёра снегом, снег тотчас же покрылся коричнево-красными пятнами. Удар пришёлся очень точно и, видимо, пробил череп. Терехов набросал, сколько мог, снега на тело шофёра. Если он только оглушён и придёт в себя, то это будет нескоро, к тому времени мороз сделает своё дело.

Терехов побежал к грузовику и сел за руль. Дорога была пустынна.

Грузовик двинулся и покатился по шоссе. С быстротой в пятьдесят километров в час Терехов двигался на восток, к линии фронта. Он ехал на восток в немецком грузовике, и патрули на дороге и немцы в встречных машинах не обращали на него никакого внимания.

Это было непостижимо и казалось Терехову продолжением бреда в лесу, в морозную ночь.

(Продолжение следует)

АНТИФАШИСТСКИЙ ТРИБУН

К 75-летию со дня рождения Максима Горького

И. ЛЕЖНЕВ

Алексей Максимович Горький родился 28 марта 1868 года. На этих днях исполнилось семьдесят пять лет со дня рождения великого русского писателя. Три четверти века — при жизни и после физической смерти писателя — в мире присутствует и действует творческая энергия Горького: его мысли, великолепные порождения его художественной фантазии, его могучие чувства — щедрая, изобильная любовь к трудовому народу, страстная ненависть к паразитам, насильникам и злодеям.

«Когда уходит из жизни, перестаёт работать борец за всемирное дело пролетариата,— писал Горький,— не хочется сказать: он умер. Чувствуешь, что неверно это. Для таких людей, как Анри Барбюс, день смерти является началом итога их работы, началом расширения и усиления её революционной значимости».

Слово, сказанное Горьким о Барбюсе, особенно применимо к самому Горькому. Сегодня, когда уже истекло без малого семь лет со дня смерти Алексея Максимовича, многие его мысли, высказывания, призывы сохранили всю свою силу. Это говорит о том, что он был полон забот о будущем своего народа и умел заглядывать в это будущее.

Никто в среде писателей в мирные годы советского строительства, в пору общего нашего благополучия и процветания, не думал так упорно о фашизме, не предупреждал так настойчиво о предстоящей смертельной схватке с ним, как именно Горький. Выходец из самых глубин народа, писатель с малолетства спознался с нуждою и начиная с первого же пробуждения сознания выступил революционным борцом против «свинцовых мерзостей» старого мира. Лютой ненавистью ненавидел Горький врагов трудового народа, удушавших его жизнерадостность, талант, любовь к свободному творческому труду, к сказке и песне. Под разными обличьями выступал этот враг и на родине и на чужбине. Много путешествовал Горький по всему миру, много лет прожил в разных странах Европы и Америки и хорошо изучил паразитов — отечественных и чужеземных. Он сам ненавидел и учил нас ненавидеть полицейщину, эксплоатацию, тупое и бескрылое, сытенькое мещанство.

Мы знали в прошлом полицейский произвол, дикое самоуправство царских сатрапов, белый террор против революционных рабочих, человеконенавистническую свистопляску «чёрной сотни», кровавые еврейские погромы. В первую мировую войну, а затем в 1918 году, в пору немецкой оккупации Украины, мы столкнулись с реакционным пруссачеством и его держимордами, со зверством его солдатни; мы видели, как организованно грабят немцы и целыми эшелонами гонят в свой фатерлянд украинский хлеб, сахар, сало. Немецкие ефрейторы и лейтенанты хамски издевались над нашими людьми и холуйски пресмыкались перед своими господами. Но вот явился в мир фашизм, который вобрал в себя, сконцентрировал и воспроизвёл в чудовищно увеличенном виде все гнусности и злодейства, какие только знала когда-либо человеческая история.

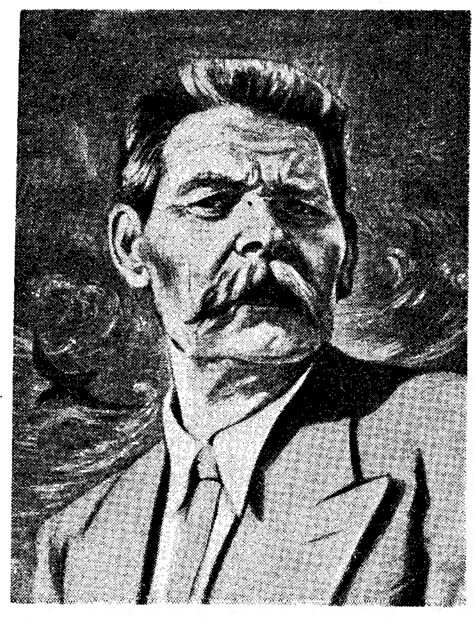
И Горький со своей непримиримой, страстной ненавистью к злу остро ощутил: пришёл враг, самый лютый из всех врагов, нацеливший свой удар в самое наше сердце. Как разъярённый лев, набросился Горький на чудище фашизма.

Десятки и сотни раз возвращался Горький к вопросу о фашизме и давал ему множество определений, одно убийственней другого.

«Фашизм,— писал он,— это давно уже пора понять, есть садизм класса больного, издыхающего. Фашисты кровожаднее зверей, но более трусливы, чем звери... фашизм — гнилая язва мира». «Фашизм есть порождение буржуазной культуры, находящейся уже в состоянии гниения и распада, её раковая опухоль».

В другом месте он пишет: «...фашизм... по сути его, является организацией отбора наиболее гнусных мерзавцев и подлецов для порабощения всех остальных людей, для воспитания их домашними животными капиталистов... Термины «подлецы» и «мерзавцы» я употребляю только потому, что не нахожу более сильных».

В то время, когда Горький писал свои статьи против фашистов, они ещё не успели показать себя на войне — в роли захватчиков, грабителей, насильников и убийц. Но достаточно выразительно они показали себя в собственном отечестве. Великому писателю была ясна их социальная сущность. «Фашисты Германии, ставленники банкиров и фабрикантов оружия», они «рабы и лакеи богачей»,— говорит Горький. С дикой злобой и яростью цепных псов, спущенных с цепи, они вершили свою расправу над рабочими. «Фашист, сбивающий ударом ноги в подбородок рабочего голову его с позвонков,— писал Горький,— это уже не зверь, а что-то несравненно хуже зверя, это — безумное животное, животное, подлежащее уничтожению».

А. М. Горький.

Гравюра худ. П. Соколова.

Возмущённый гнусными преступлениями фашистов, Горький требует уже не изоляции, а прямого, физического истребления этих взбесившихся зверей: «безумие хищников невозможно излечить красноречием, тигры и гиены не едят пирожное».

Но разгул белого террора в Германии, подклёстываемый истерическими припадками Гитлера, который требовал крови и крови, был лишь началом мировой трагедии, её первым актом. Гитлеру надо было привести к молчанию, обречь на немоту народ «собственной» страны затем, чтобы утвердить свою неограниченную, палаческую власть и перейти к созданию циклопической военной машины, опираясь на которую возможно было наброситься войной на весь цивилизованный мир. Именно война была заветной мечтою Гитлера. «Я — это война»,— говорил он в кругу друзей ещё в 1934 году, за пять с лишним лет до начала военных действий.

Эту истинную цель хищнического германского империализма хорошо видел А. М. Горький. Он говорил о «преступной и наглой шайке организаторов новой мировой бойни», которая вооружает и мобилизует армию фашистских бандитов и при её помощи надеется завоевать мир.

Неустанно говорил и писал Горький о грядущей войне. В статье «Циничное бесчеловечье» он торжественно заявил: «И если вспыхнет война против того класса, силами которого я живу и работаю,— **я тоже пойду рядовым бойцом** в его армию. Пойду не потому, что — знаю, именно она победит,— а потому, что великое справедливое дело рабочего класса Союза Советов — это и моё законное дело, мой долг».

Война, которую предвидел Горький, разразилась через пять лет после его смерти. И хотя горячее желание писателя-патриота пойти рядовым бойцом в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию уже физически неосуществимо, не подлежит ни малейшему сомнению, что наука ненависти к врагам, которой обучал родной народ Горький, пошла впрок и нынешним бойцам; она давно уже поступила на вооружение нашей советской армии — армии мстителей, как назвал её Сталин. В её рядах с большим успехом сражаются гнев и ярость Максима Горького. Но только он не рядовой боец Красной Армии, а один из её отличнейших полководцев — Генерал Месть!

В одной из своих неопубликованных статей о фашизме Горький ещё раз призывал к неукротимой мести. Он писал:

«...Дело, конечно, не в том, чтобы уговорить зверя вести себя милостиво по отношению к человеку, попавшему в его лапы, а чтобы вырвать лапу из плеча вместе с головою зверя. Но, если мы будем только внушать: не убий! или даже кричать: не смей убивать! — это будет наивным отрицанием права истребления врага».

Известные слова Горького: «Если враг не сдаётся,— его уничтожают» — стали правилом поведения наших бойцов в великой отечественной войне с немецко-фашистскими захватчиками.

Помню последнюю статью Горького, «О формализме», появившуюся в «Правде» в 1936 году. Вся статья заострена на фашистской опасности, вся статья — призыв к писателям обратиться к этой теме.

Слова о будущей войне с фашистами были последними словами А. М. Горького в его смертный час.

«Будут войны,— говорил он,— надо готовиться... Не надо быть застигнутым врасплох».

Ещё при жизни, в полном сознании, он предупреждал нас:

«Глупо и даже преступно недооценивать силы врага. Мы все прекрасно знаем, как сильна его промышленная техника и особенно — военная, которая рано или поздно будет направлена против нас».

Предупреждение это, столь злободневное сегодня, было высказано Горьким ещё в 1934 году на съезде писателей.

Слова о силе врага, об истинной социальной природе фашизма и его носителей, о средневековом мракобесии и расистском бесновании Гитлера, о моральном облике немецких штурмовиков и эсэсовцев, призывы к ненависти и неоспоримо справедливой мести, гордость за наш народ, могучий и талантливый, глубокая вера в конечную победу нашего правого дела — всё это проповедывал Горький. В этом ещё раз сказалось его величие. Эта особая патриотическая заслуга гениального художника и революционера навсегда сохранится в благодарной памяти народа.

ГОРЫ МОИ

КАЙСЫН КУЛИЕВ

Не как мечтатель чуждые края,
Как сын родной, люблю я горы мои,
Не в их раскате ль стал поэтом я?
Ваш снег и зной люблю я, горы мои!

Без вас прожить ли горному орлу?
В степи ль гнездо совьёт он, горы мои?
Крылами не ударив о скалу,
Отправится ль в полёт он, горы мои?

И если буду раненый лежать
Средь выжженного поля, горы мои,—
Орлиным клёкотом окликну мать:
О, родина, о воля, — горы мои!

Перевод с балкарского
Марии Петровых

Дневник войны

И. ЕРМАШЕВ

5 апреля 1943 года.

1. СЛАВНЫЕ ИТОГИ

Уже несколько дней сводки констатируют, что на фронтах не произошло никаких существенных изменений. Это не значит, конечно, что царит полное затишье. Продолжаются бои местного значения за улучшение позиций, захват отдельных важных пунктов.

Более активные операции продолжаются на крайнем южном фланге фронта, на Кубани. Здесь войска генерал-полковника Масленникова ведут упорные бои за полное изгнание немецких войск. Советские войска выбили немцев из многих узлов обороны и заняли такие важные опорные пункты противника, как станицы Славянская, Абинская, Петровская, Анастасиевская.

Кампания на Кубани интересна как показатель того, что могут совершить упорство и воля. Условия для советских войск, ведущих здесь наступление, очень тяжёлые. Весенняя распутица началась в этом году на Кубани небывало рано. Дороги исчезли в непролазной грязи. К тому же они до основания разрушены немцами при отступлении. Край опустошён гитлеровскими разбойниками. Всё это затрудняет, а во многих случаях вообще исключает применение тяжёлого оружия. Затруднены даже действия авиации. Гитлеровцы, занимающие выгодные позиции, бешено сопротивляются. Тем не менее борьба продолжается успешно. Упорно и методически советские войска прижимают противника к Азовскому морю.

На других участках фронта происходят бои местного значения, в которых наши войска наносят противнику потери и улучшают свои позиции.

31 марта Совинформбюро опубликовало итоги зимней кампании Красной Армии.

Зимняя кампания продолжалась 4 месяца и 20 дней. Она началась 10 ноября 1942 года и закончилась 31 марта этого года. Не преувеличивая, можно сказать, что это была беспримерная в истории кампания как по своим масштабам, так и по своим стратегическим результатам. В труднейших условиях русской зимы Красная Армия прошла с боями на запад 600—700 километров, нанесла немцам ряд тяжёлых военных поражений. Блистательная победа под Сталинградом — уничтожение 6-й немецкой армии,— разгром немцев на Среднем Дону, на Кавказе, под Воронежем, у Касторной, у Ростова, прорыв и захват таких укреплённых плацдармов, как Ржев—Вязьма, Демянск—Залучье,— всё это вехи исторического значения.

Красная Армия уничтожила стратегический план Гитлера и вместе с ним цвет гитлеровских войск. Немецкие войска и армии вассалов Гитлера понесли поистине небывалые потери. За 4 месяца и 20 дней враг потерял убитыми более 850 тысяч солдат и офицеров; 343 525 вражеских солдат и офицеров взяты в плен. Не менее велики и материальные потери врага. За время зимней кампании Красная Армия захватила 1490 самолётов, 4670 танков, 15 860 орудий, 9835 миномётов, 30 705 пулемётов, свыше 500 тысяч винтовок, 17 миллионов снарядов, 128 миллионов патронов, 123 тысячи автомашин, 890 паровозов, 22 тысячи вагонов, 1825 складов и очень много другого военного материала. За это же время советские войска **уничтожили** 3600 немецких самолётов, 4520 танков, 4500 орудий. Общие материальные потери немцев выражаются колоссальными цифрами — 5090 самолётов, 9190 танков, 20 360 орудий!

Красная Армия пробила зияющую брешь в гитлеровской военной машине.

Наши войска освободили 480 тысяч квадратных километров советской территории, имеющей важнейшее экономическое и стратегическое значение. Восстановлены волжская транспортная артерия и ряд железнодорожных магистралей, ведущих к фронту или проходящих вдоль него (рокадные дороги), что крайне важно с точки зрения маневрирования крупными массами войск и техники в предстоящих боях.

Таковы эти замечательные, исторические итоги. Их значение состоит не только в уже одержанной победе, но и в том, что они таят в себе предпосылки новых решающих побед над врагом. Успехи Красной Армии в зимней кампании существенно изменили соотношение сил в ходе войны. Гитлеровская Германия ещё не оправилась от понесённых поражений, и все усилия её преступных правителей направлены к тому, чтобы снова собраться с силами и пуститься на новые авантюры.

2. ОСЕННИЕ ТРЕЛИ ГЕББЕЛЬСА

В прошлом году после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой главари гитлеровской Германии успокаивали и утешали немцев, рисуя перед ними заманчивые весенние картины. Опозоренный немецкий «главком» тирольский людоед Гитлер надменно провозгласил, что «придёт весна — и мои мушкетёры пойдут вперёд». Они действительно пошли, чтобы никогда не вернуться назад. Дорога к Сталинграду и обратно усеяна сотнями тысяч немецких трупов.

Геббельс теперь уговаривает немцев не радоваться наступившей весне и наступающему лету. Министра лжи неотступно преследуют страшные видения зимы. Они не выходят у него из головы. В статье Геббельса, опубликованной в его газете «Дас рейх», он пишет:

«Мы ещё не преодолели наибольшие трудности: они ещё впереди. Надо ещё одолеть огромное расстояние, **самый трудный участок пути.** Тот, кто легкомысленно строит себе иллюзии, только доказывает, что он не понял смысла оставшейся позади трудной зимней войны, и он может впасть в новый, ещё более серьёзный кризис... Военное время уготовало нам такие заботы и страхи, каких мы ещё никогда не знали».

Немцам, впрочем, обо всём этом едва ли нужно напоминать. После 3 лет и 7 месяцев войны Германия попрежнему так же далека от победы, как и вначале, зато она гораздо ближе к конечному поражению. Захваченные гитлеровцами районы и целые государства разграблены, награбленное — съедено. Вместо посылок «с Востока» теперь в «фатерлянд» с фронта приходят конверты с чёрной каймой — визитная карточка смерти.

Снова загнусавили немецкие «учёные» о картошке как «основе питания». Один из них, некто Мюллер-Ленгарц из фашистского свинарника, именуемого Лейпцигским университетом, доказывает в газете Геббельса, что «можно обойтись одним только картофелем» и что для здоровья крайне полезно... худеть!

Война хватает немцев за горло мёртвой хваткой. «Дейче альгемейне цейтунг» жалуется, что кварталы немецких городов кажутся вымершими. Вот впечатления корреспондента одной швейцарской газеты о поездке по Германии. «Стоит лишь сесть в немецкий поезд,— пишет он,— как замечаешь первые недостатки. Окна грязные, полы покрыты пылью и усеяны отбросами. Прощай все удобства! На больших магистралях уже не встретишь вагонов-ресторанов. Пассажиры апатично сидят на своих местах, их глаза тупо устремлены в пространство, люди редко разговаривают. В Берлине в магазинах ничего нельзя купить, зато процветает спекуляция. Все жалуются на плохое питание и плохое настроение. Все озлоблены».

Гитлер лихорадочно ищет новые источники для увеличения своих резервов. Он спешит. Время ведь не ждёт... «Скорей!»—вопит ставка Гитлера устами немецкого генерала Лейерса. Этот генерал заявляет в статье, опубликованной в «Дейче альгемейне цейтунг», что немцам необходимо «скорее думать и скорее действовать». Все помыслы немецко-фашистской клики направлены к одному— продержаться, накопить силы и снова начать сначала, чтобы отдалить страшный конец. Вот почему так унылы осенние трели Геббельса в разгаре весны.

Встретить во всеоружии новые авантюры гитлеровцев, всесторонне подготовиться к летней кампании — таков долг советских людей, на каком бы участке они ни находились.

3. ОПЕРАЦИИ В ТУНИСЕ

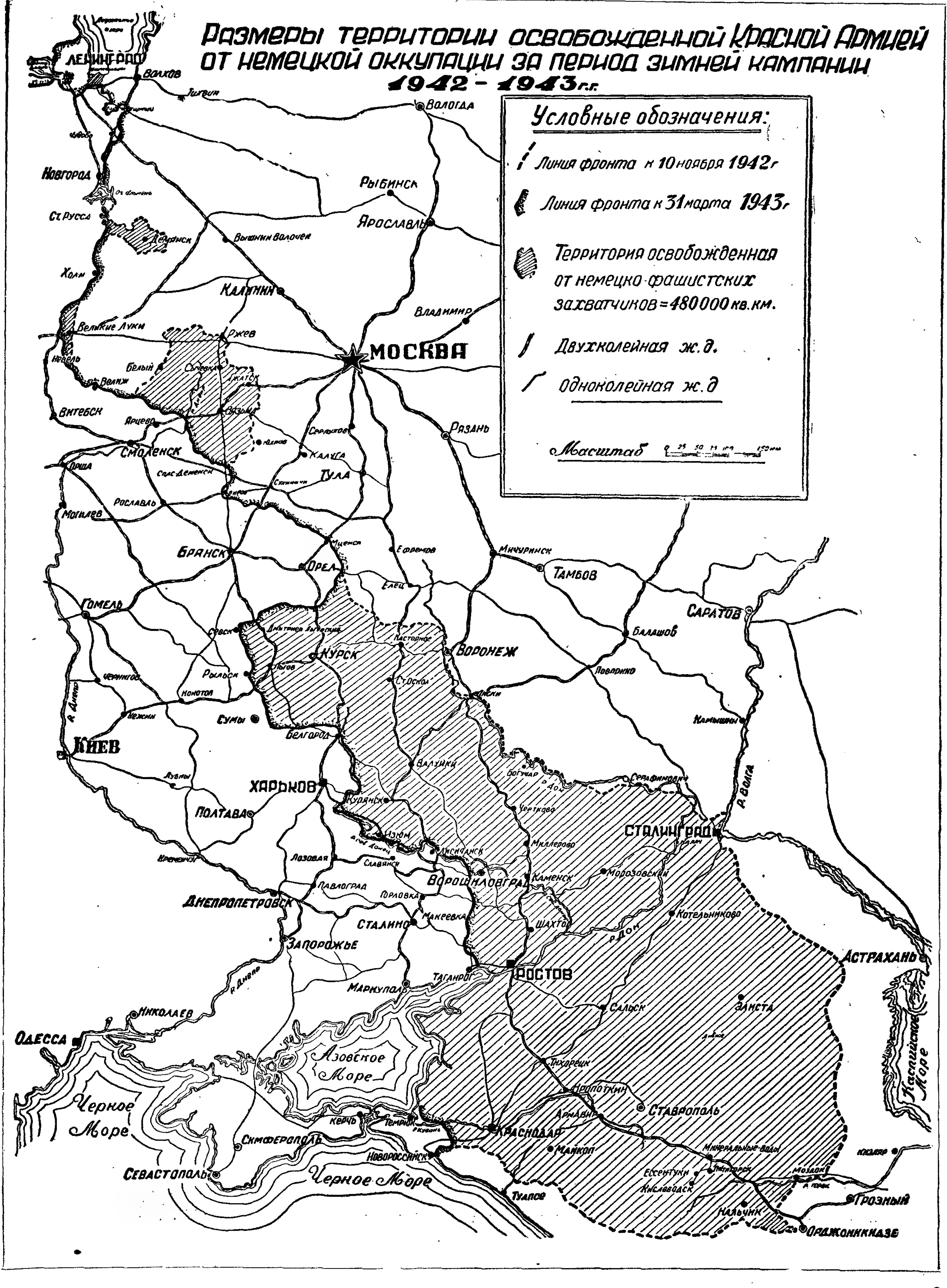
За последние две недели активизировались военные действия в Тунисе. 20 марта союзные войска начали наступление, которое постепенно распространилось на всё протяжение фронта. Первыми перешли в наступление части 8-й британской армии в южной части Туниса против войск Роммеля, занимавшие укреплённую зону Марет. После восьмидневных боёв 8-я армия выбила итало-немецкие войска из их позиций и заставила их отступить на север. 30 марта новозеландские и французские части вступили в Габес и в тот же день достигли Удрефа.

Одновременно начали наступление части 5-й американской армии и французские войска, занимающие центральный участок фронта, и войска 1-й британской армии, действующие на севере. Американцы заняли 20 марта Фондук, на дороге к порту Сус от Гафсы американские и французские войска продвинулись в направлении Сфакса. На севере союзные силы заняли Седженане и мыс Серрат (к западу от Бизерты).

Союзные войска достигли теперь горного кряжа, преграждающего доступ к побережью. Итало-немецкое командование прилагает все усилия, чтобы удержать в своих руках проходы, так как выход союзных войск к побережью между Габесом и Сусом поставит гитлеровцев в безвыходное положение.

Союзные войска готовятся теперь к решительной атаке последних позиций Роммеля.

Размеры территории освобожденной Красной Армией
от немецкой оккупации за период зимней кампании
1942 - 1943 г.г.
Условные обозначения:
Линия фронта к 10 ноября 1942 г
Линия фронта к 31 марта 1943 г
Территория освобожденная от немецко-фашистских захватчиков = 480 000 кв. км.
Двухколейная ж. д.
Одноколейная ж. д
Масштаб
Ленинград
Волхов
Тихвин
Вологда
Новгород
Рыбинск
Ярославль
Ст. Русса
Демянск
Вышний Волочек
Холм
Калинин
Владимир
Великие Луки
Ржев
МОСКВА
Невель
Белый
Сычевка
Гжатск
Велиж
Витебск
Ярцево
Вязьма
Рязань
Серпухов
Смоленск
Калуга
Орша
Спас-Деменск
Тула
Рославль
Могилев
Мценск
Ефремов
Мичуринск
Брянск
Орел
Тамбов
Елец
Гомель
Саратов
Севск
Касторное
Балашов
Курск
Воронеж
Льгов
Рыльск
Ст. Оскол
Поворино
Конотоп
Лиски
Сумы
Камышин
Киев
Белгород
Валуйки
Богучар
Р. Дон
Р. Волга
Харьков
Купянск
Чертково
Полтава
Изюм
Сталинград
Лисичанск
Миллерово
Лозовая
Славянск
Ворошиловград
Каменск
Морозовский
Павлоград
Горловка
Днепропетровск
Макеевка
Котельниково
Сталино
Шахты
Р. Дон
Запорожье
Астрахань
Таганрог
Ростов
Мариуполь
Сальск
Элиста
Николаев
Одесса
Азовское Море
Тихорецк
Кропоткин
Черное Море
Армавир
Ставрополь
Керчь
Темрюк
Краснодар
Симферополь
Майкоп
Минеральные Воды
Новороссийск
Кизляр
Каспийское Море
Севастополь
Черное Море
Ессентуки
Пятигорск
Моздок
Кисловодск
Туапсе
Грозный
Нальчик
Орджоникидзе

За колючей проволокой „Нового порядка“

СЛУЧАЙ С ФАШИСТСКИМ ЧИНОВНИКОМ

Для установления подлинности «чисто арийского» происхождения гитлеровцы довольствуются данными об отце, матери, двух дедах и двух бабках,— другими словами: двух восходящих поколений.

Рассказывают, что один из берлинских чиновников «Управления по наблюдению за чистотой расы» как-то занялся углублённым обследованием родословной Геббельса. Он подсчитал, что если в третьем восходящем поколении у Геббельса были 4 прадеда и 4 прабабушки, то в десятом— 2048 предков, в двадцать первом — 2 097 132, а в тридцать втором — 2 147 463 168 предков!

Придя к таким страшным выводам, чиновник выразил вслух сомнение в чистоте геббельсовской крови, после чего попал в сумасшедший дом.

В ВОРОВСКОМ УНИВЕРМАГЕ

Берлин превращён немецко-фашистскими бандитами в европейскую «малину», в воровской универмаг, торгующий всевозможным награбленным в захваченных странах добром.

Недавно, как сообщает английская печать, немцы предложили испанским музеям приобрести 150 картин, «организованных» оккупационными властями во Франции. Речь идёт не о полотнах и скульптурах, вывезенных из Лувра и других государственных сокровищниц искусства: судьба этих произведений окутана мраком. Объектом сделки, предложенной испанцам, являлись картины, составлявшие часть разграбленных **частных коллекций.**

Немцы потребовали за каждую из этих картин по 1000 фунтов стерлингов, но, как пишут газеты, охотников приобрести краденое не нашлось.

КАПЛИ ПЛЮС СВИНЕЦ

На экране огромный заводской цех. У конвейера суетится маленький испуганный человечек. Он не успевает взмахнуть рукой — и полузавинченная гайка уже ускользает из-под клещей. На смену ей ползёт другая. У рабочего влажный лоб, усталые глаза, нервно подёргивающиеся руки...

Вот прозвучал долгожданный сигнал обеденного перерыва. Но конвейер не останавливается. К уставшему рабочему подрулнвает сложный аппарат, установленный на коляске, и начинает его... кормить! С прежней быстротой ползут гайки конвейера. Попрежнему мечутся руки с клещами, и в это же время автоматическая ложка, зачерпнув из миски суп, выливает его за ворот рубашки рабочего. Автоматический нож разрезает на кусочки жаркое, а вилка перебрасывает эти кусочки через голову рабочего. Напрасно он старается широко открыть рот. Ему ничего не попадает. Только тампон с салфеткой «автоматически» вытирает ему губы. Через минуту кормёжка закончена... Своды кинотеатра содрогаются от смеха...

Сегодня «автоматическая кормёжка», высмеянная Чаплиным в фильме «Новые времена», — уже не шарж.

...Забой угольной шахты. Дружно гудят перфораторы. В свете шахтёрского фонаря мелькает измождённое, выпачканное угольной пылью лицо шахтёра. Вот прозвучал сигнал обеденного перерыва. Человек не оставляет молотка. В галерее появляется женщина. В руках у неё склянка и рюмка. Она останавливается возле рабочего, подаёт ему рюмку. На этом обед закончен. Женщина исчезает... Всё это происходит не на экране, а в тёмном забое угольной шахты в Германии 1943 года. На этот раз никто не смеётся...

По сведениям, поступившим из Германии, с 15 февраля всем немецким шахтёрам начали выдавать в обязательном порядке капли. По две капли на человека. Они имеют зеленоватый цвет, отвратительный вкус. Согласно немецкому радио, эти капли «полностью заменяют» овощи и другие продукты.

Капли навряд ли насытят немцев, но в соединении со свинцом, который они получают на фронте, эта пища, надо думать, поможет им протрезвиться. Главное — свинец! Побольше свинца!

ОЖИВАЮЩАЯ МАРИАННА

Во Франции с некоторого времени выходит газета для женщин «Вуа де Фам» («Голос женщин»). Тираж этой газеты огромный, хотя её не продают в киосках, а только передают из рук в руки и за чтение этой газеты грозит тюрьма.

Редакция помещается «порою в каком-нибудь предместье Парижа, порою в парке, порою в подвале, порою же в сарае». В передовой, озаглавленной «Марианна», говорится:

«Они сняли с пьедестала Марианну, которая в течение полутора столетий была символом нашей республики, символом свободы. Пусть! Марианна с профилем из гипса и профилем из металла на наших монетах была холодной и безжизненной. Теперь каждая из нас должна быть настоящей Марианной — поборницей свободы, права на семью, права на счастье. Марианну сняли с пьедестала, но мы — живые Марианны — готовы к борьбе более чем когда бы то ни было».

В «Вуа де Фам» имеется рубрика, озаглавленная «Почему?» Здесь ставятся вопросы, одолевающие французскую женщину: «Почему нет одежды для наших детей? Потому что в этом месяце заграницу отправлено 50 000 тонн пшеницы, 9000 овец, 6000 голов рогатого скота, 2400 тонн шерстяных товаров».

В рубрике «Мода» говорится: «Не стесняйтесь заплат на своей одежде. Это тоже военные раны. Пусть каждая заплата на вашем платье напоминает вам и всем нам, что мы страдаем и терпим, но не смиряемся». В недельном меню наряду с чисто практическими советами имеются и такие «рецепты»: «Пусть кипит супной горшок. Разжигайте огонь. Если вам слишком долго приходится стоять в очереди, если вы видите, что ваши дети не получают больше молока, если вы сами ощущаете на себе мёртвую хватку голода, думайте о том, что «котелку» надо кипеть, пока содержимое не перельётся через край».

ПИЛА ЗАМЕНЯЕТ ПЛУГ

Швейцарская газета «Фольк» поместила корреспонденцию о катастрофическом обнищании Норвегии, которого, как подчёркивает газета, не отрицает и немецкая цензура.

«Обстановка в Норвегии,— читаем мы,— характеризуется усугублением социальной обездоленности. Жиры невозможно получить. Картофель заменяется репой, а к суррогатному хлебу примешиваются опилки. В результате этого сильно увеличилось число желудочно-кишечных заболеваний. От этих болезней страдает одна пятая часть народа. Смертность среди детей выше чем когда бы то ни было».

Гитлеровская саранча пожирает в Норвегии всё продовольствие, но ей не удалось ещё уничтожить лесные массивы этой страны. Опилки взамен хлеба, пила вместо плуга — такова нынешняя гитлеро-квислинговская действительность в Норвегии.

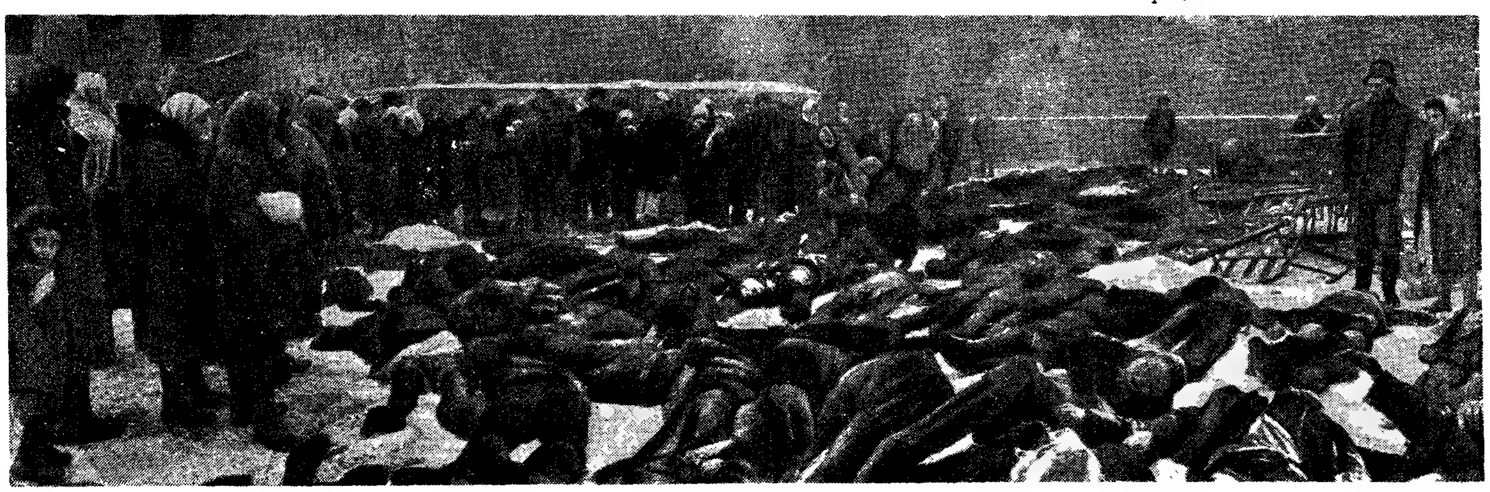
НАЗАД, К ДОЛЕДНИКОВОМУ ПЕРИОДУ

Несколько десятков лет назад в яме для добычи песку близ Гейдельберга (Германия) была найдена массивная, широкая и мощная челюсть. Учёные установили, что эта часть черепа, покрывшаяся 24-метровым наслоением многих тысячелетий, является древнейшей человеческой окаменелостью в Европе.

На каком языке говорил гейдельбергский человек, этот представитель вымершего вида человеческого рода, наука не выяснила. Во всяком случае, можно предполагать, что какой-то минимальный лексикон у этих человеческих существ ледникового периода существовал. И был он, наверное, богаче, чем тот лексикон, который установлен сейчас в гитлеровской Германии для белых невольников, согнанных из оккупированных стран для работы на немецких военных заводах.

Иностранные рабочие, пишет швейцарская газета «Нейе цюрхер цейтунг», обязаны говорить по-немецки, но, чтобы они не слишком много знали, издана так называемая «Азбука для иностранцев», в которую вошли **пятьдесят слов.** Иностранные рабочие должны заучить наизусть эти слова.

Пятьдесят слов — таков примитивный жаргон гитлеровской Европы «нового порядка», язык упрощённых отношений между «арийскими» господами и обращёнными в колониальное рабство народами оккупированных стран.

ЧУДОВИЩНЫЕ ЗЛОДЕЯНИЯ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ВАРВАРОВ В РОСТОВЕ НА ДОНУ. Немецкие палачи во время своего хозяйничания в Ростове организовали массовое истребление мирных жителей города. По неполным данным, гитлеровцы расстреляли, замучили, отравили 15—18 тысяч человек. В одной только городской тюрьме после освобождения Ростова обнаружено 1154 трупа ростовчан. На снимке: трупы жителей во дворе тюрьмы.

Фото В. Иванова (ТАСС).

Войска Красной Армии проходят по улицам освобождённой Вязьмы.

Генерал-лейтенант тов. Поленов (слева), части которого отличились в боях за Вязьму, и секретарь Смоленского обкома ВКП(б) тов. Попов осматривают город.

Жители Вязьмы с восторгом следят за проходящими по городу бойцами Красной Армии, жадно ловят каждое слово, сказанное о советской родине.

В ОСВОБОЖДЁННОМ ГОРОДЕ

Фото специального корреспондента «Огонька» Б. Цейтлина

В первые же дни после освобождения жители Вязьмы принялись за восстановление своего города. На снимке слева: группа жителей строит временную переправу через реку. На снимке справа: младший лейтенант милиции А. С. Парфёнов, награждённый медалью «За боевые заслуги». Он стал на пост регулирования движения в первый же день после взятия Вязьмы частями Красной Армии.

РАХМАНИНОВ О СЕБЕ

28 марта в Лос-Анжелосе (США) скончался выдающийся русский композитор Сергей Васильевич Рахманинов, не доживший трёх дней до своего семидесятилетия.

Помещаем отрывки из «Воспоминаний» Рахманинова, переведённые и обработанные проф. М. С. Неменовой-Лунц.

В своих «Воспоминаниях» Сергей Рахманинов, выдающийся русский музыкант — композитор, пианист, дирижёр,—рассказывает о своей творческой деятельности, рассказывает живо, тепло, образно, порою с неподдельным юмором.

С особенным интересом читаются страницы воспоминаний, где автор описывает свои первые шаги на артистическом поприще, встречи с Чайковским, Римским-Корсаковым, Шаляпиным и другими крупными деятелями русской музыкальной культуры. Рахманинов познакомился с великим русским композитором Чайковским, будучи почти ребёнком. Талантливый мальчик обратил на себя внимание Чайковского блестящей работой: без всякого руководства он сделал переложение для двух фортепиано симфонии Чайковского «Манфред». С той поры крепкая дружба связала на долгие годы двух русских музыкантов. Чайковский дружески помогал начинающему композитору и много способствовал успеху первой оперы Рахманинова «Алеко». Об истории этой оперы, написанной по экзаменационному заданию, живо и образно повествует сам автор:

«Как только я получил либретто (либретто по Пушкину было сделано В. Немировичем-Данченко), я бросился со всех ног домой. Я боялся потерять хотя бы одну минуту, так как нам было предоставлено очень мало времени для выполнения задания. Я писал, как в лихорадке, не отрываясь. Прошло семнадцать дней с момента получения задания. И, когда мой профессор Аренский спросил меня: «Далеко ли вы ушли в своей опере?» — я ответил: «Я кончил её». — «В клавире?» — «Нет, в партитуре». Аренский недоверчиво посмотрел на меня, и мне пришлось долго убеждать его, что исписанные листы есть полная партитура «Алеко». Опера понравилась. Отметка была— пять с плюсом».

После столь блестящего начала к юному Рахманинову обратился с почётным предложением видный издатель Гутхейль.

«— Вам везёт, Сергей, — заявил Чайковский, когда Рахманинов поделился с ним своим успехом,— вы, действительно, счастливчик. Чего я только не делал, чтобы найти издателя, даже тогда, когда я был намного старше вас. Я не получил ни копейки за моё первое сочинение и считал себя счастливым, что мне не пришлось платить за печатание моих сочинений. Я считаю чудом, что Гутхейль не только предлагает вам плату, но даже спрашивает вас о сумме».

Одно из последних, особенно живых воспоминаний того времени, продолжает Рахманинов,— это исполнение «Алеко» и всё с ним связанное: «Я думаю, что успех зависел не столько от достоинств оперы, сколько от отношения к ней Чайковского, которому она очень нравилась. Есть ещё одно обстоятельство, содействовавшее успеху. Я упоминаю о нём только потому, что в первый и последний раз в моей жизни я пошёл не чисто артистическим путём к артистической цели. Один из моих родственников, занимавший высокий пост в чиновничьем мире Петербурга, вызвал меня к себе, привёз на вечер в один из великосветских салонов, где в числе гостей присутствовал и заведующий канцелярией императорских театров К. Я исполнил там два танца из «Алеко». Во время аплодисментов после исполнения хозяйка салона подошла к К. и, очаровательно улыбаясь, сказала: «Не правда ли, какая прелестная музыка? Вы бы не хотели исполнить её в Москве? Я обещаю вам приехать на премьеру». Весной 1893 года опера была поставлена в Москве, в Большом театре, и, хотя хозяйка салона не почтила этого представления своим присутствием, я был безмерно счастлив. Между прочим, во время одной из репетиций Чайковский сказал мне: «Я только что закончил двухактную оперу «Иоланта», которая недостаточно длинна, чтобы занять целый вечер. Вы не будете возражать, если она будет исполняться вместе с вашей оперой?» Он буквально так и сказал: «Вы не будете возражать?» Ему было пятьдесят три года, он был знаменитый композитор, а я — новичок двадцати одного года! Чайковский, конечно, присутствовал на премьере «Алеко», по его же настоянию приехал из Петербурга директор театров Всеволожский. По окончании оперы Чайковский, высунувшись из ложи, аплодировал изо всех сил, по своей доброте; он понимал, как это

Сергей Васильевич Рахманинов.

должно было помочь начинающему композитору».

Лето 1893 года было чрезвычайно продуктивным для Рахманинова. Когда он сказал Чайковскому, сколько новых пьес сочинено им, Чайковский воскликнул:

«— А я, несчастный бездельник, написал всего одну симфонию!»

Это была «Патетическая»...

В 1897 году Рахманинов пишет свою первую симфонию.

Однако надежды не оправдались: симфония вызвала резкую критику.

«Я вернулся в Москву,— говорит Рахманинов,— другим человеком. Неожиданный удар привёл меня к решению бросить композиторскую деятельность. Мною овладела непобедимая апатия. Я ничего не делал, не находя ни в чём ни малейшего интереса. Полдня я проводил, валяясь на диване, в печальных мыслях о своей погибшей жизни. Моим единственным занятием было несколько фортепианных уроков. Никаких возможностей концертных выступлений у меня не было, также не было надежды, что Московская консерватория предложит мне место преподавателя.

Следующий случай иллюстрирует отношение ко мне профессуры Московской консерватории. Как-то за ужином я сидел против одного из виднейших профессоров Московской консерватории Шлёцера. Разговор зашёл о моём первом концерте, только что вышедшем из печати. Кто-то спросил Шлёцера, знает ли он мой первый концерт. «Нет, — ответил Шлёцер,— я его ещё не видел». Затем, покручивая свои усы, он спросил меня неприятно резким тоном: «А сколько стоит ваш концерт?» Я, несколько смущённый, ответил: «Право, не знаю, но думаю, что около трёх рублей». — «Довольно странно, что концерт Рахманинова стоит три рубля, когда концерт Шопена можно купить за один рубль пятьдесят копеек». Прошло несколько секунд неловкого молчания, пока я не вспомнил, что сам Шлёцер написал два этюда — его единственный «дар» искусству,— и в свою очередь спросил его: «Не находите ли вы странным, что за два этюда Шлёцера приходится платить три рубля, в то время как за двадцать четыре этюда Шопена всего один рубль?»

В этот трудный период моей жизни неожиданно на помощь пришёл человек, от которого я меньше всего мог этого ожидать. Это был известный в Москве С. И. Мамонтов. Он-то и привлёк меня в качестве второго дирижёра к своему новому оперному товариществу. Что могло быть более желанным, чем приглашение Мамонтова! Я чувствовал, что способен дирижировать, хотя и имел весьма туманное представление о технике дирижёрства. В своем юношеском оптимизме я считал это неважной деталью, так как до этого приглашения я никогда не дирижировал. Первый дирижёр Мамонтова посоветовал дать мне ту оперу, которую хорошо знали оркестр, хор и солисты. Была выбрана опера «Иван Сусанин» Глинки. Первый дирижёр Эспозито, видевший во мне соперника, заявил, что достаточно одной репетиции. Я могу с уверенностью сказать, что знал эту оперу не хуже Эспозито. Пока дело касалось одного оркестра, всё шло вполне благополучно, но как только присоединились певцы, произошла катастрофа и наступил полный хаос. С ужасом и отчаяньем довёл я репетицию до конца. Ко всем моим разочарованиям прибавилось и то, что я неспособен и дирижировать. Оперу пришлось передать Эспозито. Во время его исполнения я не отрывал глаз от его палочки и только тогда понял причину своей катастрофы: оказывается, я не подавал знаков ни одному певцу.

Год пребывания в опере Мамонтова имел для меня огромное значение. Там я приобрёл подлинную дирижёрскую технику, сослужившую мне в дальнейшем громадную службу. Помимо этого, я никогда не считал этот год потерянным, так как он привёл меня к тесной связи с Шаляпиным, и это я считаю одним из самых сильных, глубоких и тонких художественных переживаний всей моей жизни».

Очень плодотворны были для Рахманинова-дирижёра его встречи с Римским-Корсаковым, оперой которого «Пан-воевода» дирижировал Рахманинов.

«Я оценил,— рассказывает Рахманинов,— искренность и честность взыскательного художника. Его изумительное техническое мастерство, несравненная инструментовка, чуткое понимание оркестровых красок вызвали во мне преклонение. Моё общение с ним многому меня научило».

Нет нужды говорить о всё возраставшей популярности Рахманинова как пианиста, композитора и дирижёра, стяжавшего мировую славу. Что же думал сам Рахманинов о себе как о художнике?

«Я не знаю,— пишет он,— удалось ли мне примирить вечный конфликт между моей артистической деятельностью и художественной совестью. Я никогда не мог решить, каково мое подлинное призвание: композитор, пианист или дирижёр. Бывают моменты, когда мне кажется, что мне следовало бы быть только композитором, иногда я думаю, что я только пианист. Теперь, когда прожита большая часть жизни, меня постоянно смущает одна мысль, что, разбрасываясь по разным областям, я не нашёл своего подлинного призвания. По старой русской поговорке, «погнался за тремя зайцами». Могу ли я сказать, что убил одного из них?»

Литературные новинки

МОГУЧАЯ СИЛА НАРОДА

Узорными синими буквами выложены два слова на обложке: «Ташкентский альманах». Здесь очень много стихов: славные поэты Узбекистана поют о родине своей, а русские поэты, гости Ташкента, соревнуются в мастерстве перевода. Всеволод Иванов печатает отрывок нового романа, а Алексей Толстой—свои «Рассказы Ивана Сударева», произведения, написанные в гостеприимной столице знойной республики. Корней Чуковский показывает свою новую работу — сказку о Бармалее, злом разбойнике, и о докторе Айболите, так хорошо знакомом нашим детям по прежним сказкам того же автора. Писатели Б. Лавренёв, К. Зелинский, Ефим Дорош, М. Юфит, К. Шильдкрет и многие другие выступают с рассказами и очерками о героях фронта и тыла, о жизни Узбекистана в дни отечественной войны, о национальном искусстве, получившем такое блистательное развитие в советских условиях.

Гафур Гулям в замечательном стихотворении «Ты не сирота» обращается к ребёнку, потерявшему и отца и мать, и дом свой, и самоё детство в наши жестокие дни:

«Разве ты сирота?
Успокойся, родной!
Словно доброе солнце,
Склонясь над тобой,
Материнской глубокой
Любовью полна,
Бережёт твоё детство
Большая страна.
Здесь ты дома,
Здесь я стерегу твой покой.
Спи, кусочек души моей,
Маленький мой!»

Строители Каттакурганского водохранилища, созданного в дни отечественной войны, обратились к товарищу Сталину с письмом в стихах. Письму предпослана интересная статья Алексея Толстого «Самопожертвование»— статья, показывающая небывалый творческий подъём духа у народа.

Откуда черпает народ силу? Где истоки её? За один только год земляные работы по строительству оросительной сети в Узбекистане выразились гигантской цифрой в 25 миллионов кубометров вынутой земли. За один год посевная площадь настолько увеличена, что Узбекистан собрал урожай втрое больше прежнего. Впервые здесь посеяно много тысяч гектаров свёклы и на нескольких, только что созданных заводах вырабатывается сахар для армии и тыла.

А. Толстой видит превосходство советского человека в его могучей нравственной силе.

Всем богат Узбекистан: и разнообразной промышленностью, и всевозможными продуктами сельского хозяйства, и углем, и нефтью. «Но главное богатство—человек. За человека, за свободный труд, за землю его ведётся борьба с истребителями человека... Вот он — узбек в июльский полдень, в шестьдесят градусов жары, в ватном халате, раскрытом на загорелой груди, с чёрными босыми ногами, с розой, заложенной за ухо, под тюбетейку, взмахами жилистых рук подымает над головой тяжёлый кетмень и опускает его в широкую борозду земли между двумя, полными воды, канавками. Вот он, подобрав халат, идет за плугом в воде выше колена, по сверкающей заводи рисового поля. Вот он, белобородый, с головой, обвязанной платком, стоит, опираясь на библейский посох, на склоне холма, где пасутся бараны. Вот он, смуглый, как персик, с тенью усов под прямым носом, с глазами чёрными и блестящими, но скромными,— потому что мать учила его быть скромным,— стоит у заводского станка, среди московских белокурых девушек. Вот он в тихий вечерний час сидит на корточках у глиняной стены своего дома и будто слушает, как у его ног слабо журчит вода в арыке. Вот он на собрании почётных и знатных стариков, поднявшись с ковра, подзывает сына своего, развёртывает шёлковый платок, достаёт нож и говорит сыну отрывистым и сердитым голосом: «Иди и убей фашиста, я хочу увидеть кровь врага на этом ноже».

Для небольшой заметки мы позволили себе привести непропорционально большую выдержку. Но в самой статье Алексея Толстого эти строки занимают очень немного места: всего лишь один-единственный абзац. И нельзя не восхититься мастерством писателя, сумевшего в одном абзаце дать поэтически обобщённую картину жизни целой страны.

«Ташкентский альманах» вышел в Ташкенте в конце 1942 года под редакцией И. Лежнева.

А. Исаев

ЖИВАЯ ЛИТВА

Временно поработив Литву, фашистско-немецкие захватчики не смогли принудить литовский народ к покорности и смирению. Ярость и ненависть к захватчикам, непреклонная воля к борьбе за освобождение Литвы от фашистской погани ширятся и растут в сердце каждого честного литовца. В стихах литовских поэтов, только что выпущенных Гослитиздатом, отчётливо слышится голос вольной, непокорившейся Литвы, охваченной пламенной любовью к великой семье советских народов.

В этом сборнике представлены советские литовские поэты старшего и младшего поколений. Тут и Людас Гира, один из маститых литовских поэтов, начавший писать ещё в период революции 1905 года; тут и поэты молодого поколения: Корсакас, Шимкус, Венцлова, Межелайтис, Саломея Нерис. Небольшой сборник в равной мере демонстрирует и жанровое многообразие литовской поэзии и единство её устремлений. Отдельные стихи сборника, удачно переведённые А. Глобой, М. Зенкевичем, В. Казиным, Д. Кедриным, не только актуальны по своим темам, но и представляют собой неумирающую художественную ценность. Это стихи о великом народном горе, которое не ослабило, а укрепило и закалило волю литовцев к борьбе и победе, их веру в грядущее освобождение.

Стихи Людаса Гира, работающего сейчас в литовских частях Красной Армии, как и стихи других его, более молодых собратьев, проникнуты бодрыми, уверенными интонациями.

Эти стихи зовут литовцев к боевым подвигам.

«Тот, кто крепко любит
Родину, не словом —
Подвигом докажет
Ей любовь свою!»

— восклицает талантливая поэтесса Саломея Нерис.

Эти стихи овеяны тёплым лиризмом. Любовь к каждому клочку родной земли конкретно и действенно отражается в стихах советских литовских поэтов

А. Лейтес.

ИЗ ПРОШЛОГО

БОЕВАЯ СЛАВА РУССКИХ АРТИЛЛЕРИСТОВ

Русская артиллерия всегда славилась своими высокими боевыми качествами. Ещё в первой половине XVIII века русская артиллерия считалась лучшей в Европе. Силу и мощь её огня первыми испытали прусские войска Фридриха II, всегда терпевшие поражения от русских. Ниже мы публикуем интересный документ — «Ордер генерал-фельдцейхмейстера графа Шувалова, артиллерии генерал-майору Бороздину» («Русский Инвалид» №№ 73, 74 за 1835 год), свидетельствующий о высоких боевых качествах русских войск.

«Вашего Превосходительства искусство и большое знание своего дела не требуют объяснения; ревность в службе доказана всегдашним в том упражнением, и сколько я вижу, то господа артиллеристы только стараются доказать своё знание, исполняя должность и ревностно порученное им дело. Теперь случай близится, в котором то действом исполнить. Артиллерия российская в свете от времён... Великого Петра, славу приобрела, и с тово не токмо доныне были, но и ещё есть: что свидетельствует 1757 года 19 августа бывшая с пруссаками баталия, доказывая тем, что пруссаков было 36.000 в разных местах атакующих, а наших в деле только 9 000 человек, — но так разбиты, что в позорный бег обращены; и не токмо сами об ужасном действии нашей артиллерии писали, но и пленные то утверждали. Из взятой их артиллерии главные пушки совсем в несостояние приведены... от всех же командующих всякого места генералитета, штаб-офицеров, генерально сказать от всех и чужестранных, — такую похвалу приписывают господам артиллеристам, что подобной когда кому бывало ли; а особливо храбрость, проворство и расторопность единогласно подтверждаются. Счастие особливое моё, что такими храбрыми и неустрашимыми людьми честь имею командовать... Вашему Превосходительству, штаб-офицерам, во всех случаях толковать подчинённым о силе действа сих орудий (речь идёт об изобретённых Шуваловым «секретных гаубицах», отличавшихся большой силой огня.—Б. С.) и что неприятель таковой артиллерии не имеет, а которые и есть пушки, то оне ни пятою долею против действа сих не сделают; и что неприятелю потому в сражении против наших стоять не можно,—рассказывая им бывшую с пруссаками баталию... весьма толковать надлежит, яко то:

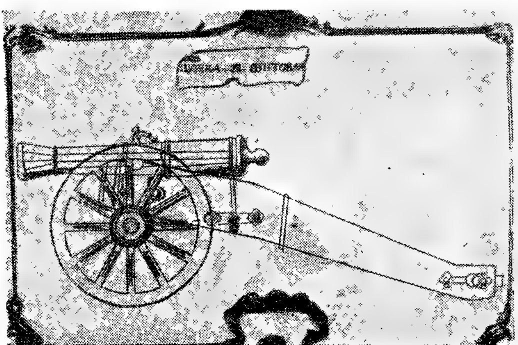
1) Что хотя и жестокий огонь пруссаки производят, но не столько вредит, сколько страшным кажется, пользу себе пруссаки в том считают, что когда их неприятели побегут, то они по большей частью кавалериею расстроенного неприятеля истребляют... напротив же, когда против себя найдут храбрых и неустрашимых солдат, яко то наше войско, которое не токмо не расстроится и не бежит, во ниже мало с своего места не отступает... через то никогда ни от кого и побиты не были, а побивали своею храбростью и послушностью своим командирам своих неприятелей... доставляли победу и славу своему оружию и отечеству.

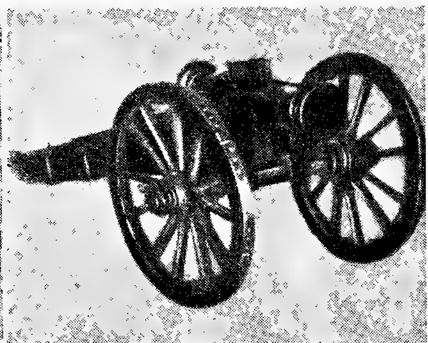
2) Прусские солдаты состоят из разных народов, вербованных из разных вер: то не могут так единодушно драться, как наши, потому что храбрый народ российский все одной веры и подданные одного отечества; те дерутся, нанявшись за деньги, а наши за веру и отечество.

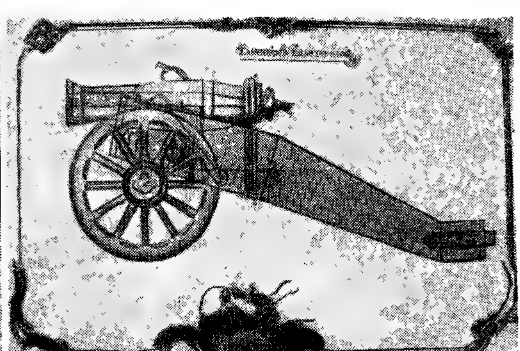
3) Что хотя, как выше сказано, пруссаки жестоко атакуют; но как найдут, что сражающиеся с ними войска не отступают,— то тогда скорее без всякого порядка назад бегут, как то доказательно в одержанной победе нашими войсками над пруссаками 19-го августа при деревне Эгерздорф: тут были отборные прусские войска, очень хорошо наученные, а наших солдат твёрдость и храбрость, так их ниспровергнула, что не токмо в беспорядке ретировались, но в бегство совсем обратились.

4) Что теперь ожидается от победоносной нашей армии окончания кровопролитнейшей войны, сие справедливо: ибо армия, состоящая на толь хороших и порядочных учреждениях регулярства, вся из такого храброго народа, который с первобытного своего происхождения храбростью и неустрашимостью славен был; а посему нет ничего легче для такой армии, как ниспровергнуть и разбивать встречающиеся неприятельские войска, и показать тем, как потомки храброго и непобедимого российского народа славу предков своих в победах возобновляя, будучи непобедимыми, ту же оставляют в бессмертие потомкам своим».

Б. С.

Слева: «единорог» Шувалова. Справа: 12-фунтовая пушка Шувалова (чертежи из рукописной книги XVIII века). В центре: секретная гаубица Шувалова.

Художники в госпитале

В наш госпиталь художники пришли в январе 1942 года. За год они создали более двухсот портретных зарисовок, композиций, панно и скульптурных работ. Эти труды, несомненно, войдут в историю как замечательные памятники великой отечественной войны.

Одним из первых в госпиталь пришёл И. И Машков; его влекло сюда чувство величайшего патриотизма советского человека, его страстное желание быть полезным в эти суровые для нашей родины дни.

В столовой создали уют работы Машкова, написанные им ещё до войны. Его замечательные и красочные панно и картины напоминают бойцам и командирам Красной Армии о просторах донских и кубанских степей, о хлебородной Украине, землю которой сейчас всё ещё топчет грязный немецкий сапог, о счастливой и зажиточной колхозной жизни.

В малом зале клуба, где организована выставка работ художников МОСХ, целый простенок — более тридцати работ — занимают рисунки И. И. Машкова. Это портреты Героев отечественной войны.

Вот портрет Героя Советского Союза лейтенанта Виктора Григорьева. Художник приметил все замечательные черты советского патриота и отобразил их на полотне. Вот портрет Героя Советского Союза лётчика капитана Гриднева. В нём наше будущее поколение узнает сталинских соколов советской авиации, кто смело таранил фашистских стервятников. А вот портрет сержанта танковых войск—орденоносца Сафонова. Это они, наши славные танкисты, надев стальную броню, громят немецкие орды грабителей и убийц.

Среди многочисленных портретов самоотверженных людей санитарной службы мы находим портрет героини — военфельдшера Елены Ковальчук. За боевые подвиги она награждена четырьмя орденами. В её лице мы видим наших славных советских женщин, борющихся вместе с мужьями и братьями за независимость и свободу нашей родины, за счастливую жизнь своих детей.

А вот портрет Кати Гарановой, исполненный заслуженным деятелем искусств художником Васильевым. До войны она работала бухгалтером. В Красную Армию она пошла добровольно дружинницей. Теперь она уважаемая всеми ранеными и любимая медицинская сестра госпиталя.

Художник Малолеткова изобразила на полотне трогательную картину: военврач Зеленова при очередном обходе раненых неожиданно встречается с раненым сыном Костей. Ему семнадцать лет. В дни, когда Москве угрожала опасность, Костя Зеленов вместе с другими товарищами по институту пошёл добровольно в Красную Армию. За короткое время он стал отличным снайпером.

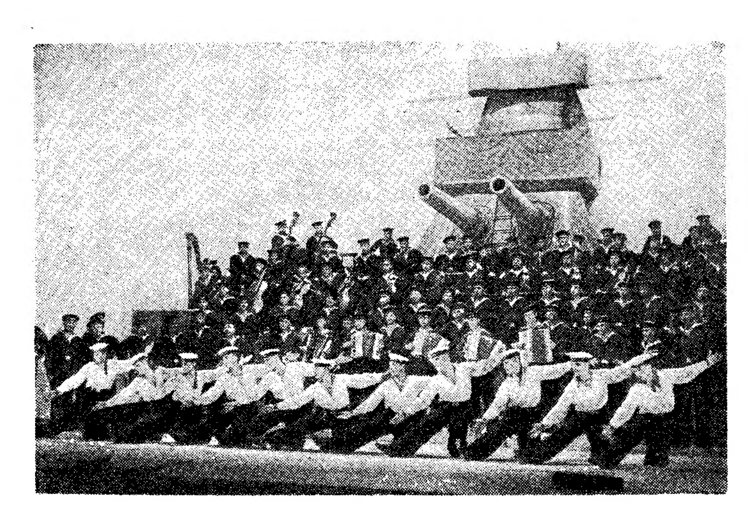
Г. Савинов

На фото вверху: слева — «Дружинница Катя Гаранова», рисунок художника Васильева; справа — «Встреча», рисунок художника Малолетковой. Внизу (слева направо): «Герой Советского Союза лейтенант Виктор Григорьев», «Герой Советского Союза капитан Гриднев», «Танкист — сержант Сафонов», рисунки заслуженного деятеля искусств И. И. Машкова.

Пляска «Солёная вода» в исполнении Центрального ансамбля краснофлотской песни и пляски Военно-морского флота СССР.

КРАСНОФЛОТСКИЙ АНСАМБЛЬ

На нарядной эстраде концертного зала имени Чайковского стройными рядами располагается Центральный ансамбль песни и пляски Военно-морского флота.

Это талантливый коллектив, прошедший долгий боевой путь. На кораблях Балтики, в тяжёлые дни блокады Ленинграда — везде, где бились с врагом краснофлотцы, там в короткую минуту досуга раздавалась мужественная и раздольная, призывная и задушевная морская песня...

Этот ансамбль был создан в Ленинграде. Там же провёл он около тысячи концертов. Недавно с искусством краснофлотского ансамбля познакомились москвичи.

Хор ансамбля поёт безупречно: стройно, слаженно, выразительно, с большим чувством,— что называется, «с душой». Так же отменно звучит и оркестр, небольшой по составу, но яркий, полнозвучный. Художественному руководителю ансамбля (композитор Вано Мурадели) удалось добиться полного, гармонического слияния хора и оркестра, звучащих как единый ансамбль.

Надолго запоминаются в исполнении краснофлотцев такие произведения, как старинная матросская песня «Раскинулось море широко», как «Морская волна», народные русские, украинские, грузинские песни. В замечательной песне ленинградца Б. Гольца «Месть балтийцев» ансамбль сумел передать всю мощь, всю сокрушающую силу ненависти, которая вдохновляет балтийцев на разгром врага. С большим мастерством исполняет ансамбль новую, своеобразную по форме кантату В. Мурадели «Четверть века золотого».

Краснофлотцы продемонстрировали виртуозное искусство танца. Плясовые сценки «На баке», «Солёная вода» так полны движения, выразительности, мимической игры, что уже несут в себе зерно целостной балетной сцены.

Ансамбль стремится насытить свой концерт задушевной лирикой, острой шуткой, стремится показать «морскую душу» во всей её широте, силе и удали. Этой цели служат и конферанс ведущего и умело введённое в программу художественное чтение. Ансамбль отказывается порой от академической, статичной формы. На эстраде располагаются группы моряков словно на палубе корабля. И тогда снова, но уже особенно задушевно звучит в песне несгибаемая «морская душа».

Е. Канн

В ТЕАТРЕ ИМЕНИ КИРОВА

Опера «Емельян Пугачёв» возникла из оратории Мариана Коваля и поэмы Василия Каменского. Основная её тема — одно из величайших крестьянских революционных движений, борьба народа за «вечную вольность».

Опера начинается побегом Пугачёва из казанской тюрьмы 29 мая 1773 года и заканчивается казнью его на Болотной площади в Москве 10 января 1775 года.

В день 25-й годовщины Октября Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова показал премьеру новой оперы. Постановщик спектакля Л. Баратов, художник Ф. Федоровский, дирижёр А. Пазовский постановлением Совнаркома от 19 марта 1943 года удостоены Сталинской премии.

— Мы работали с огромным энтузиазмом, — рассказывает главный режиссёр театра имени Кирова лауреат Сталинской премии Л. В. Баратов. — Музыка Коваля искренна, темпераментна, глубоко национальна и очень удобна для пения. Владение композитором хоровыми массами, решение хоровых кусков очень ценны, тем более что основная действующая сила оперы — народ.

Полнокровно и ярко очерчен образ Пугачёва. Роль его с большим успехом исполняют заслуженный артист Фрейдков и молодой актёр-орденоносец Яшугин. Осуществить в короткий срок постановку сложного, монументального произведения нам удалось только потому, что работники всех театральных цехов, начиная от исполнителей-солистов и кончая гримёрами, оказывали активнейшую помощь техническим частям театра: шили костюмы, готовили головные уборы и цветы, помогали ставить декорации.

Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова находится в Молотове с сентября 1941 года. Здесь возобновлён почти весь основной репертуар, в том числе такие капитальные спектакли, как «Иван Сусанин», «Чародейка», «Лебединое озеро», «Лауренсия».

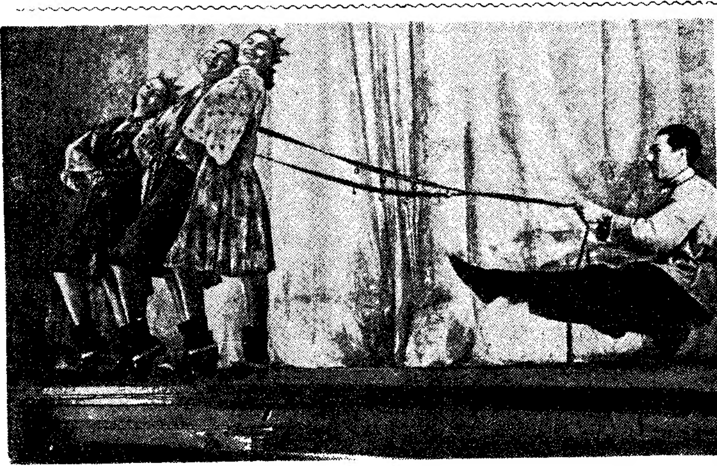
Кроме новых постановок — оперы «Емельян Пугачёв» и балета Хачатуряна «Гаянэ» — коллектив театра подготовил два больших тематических концерта, посвящённых юбилею Красной Армии и празднику 1 Мая. За один 1942 год театр дал тысячи шефских концертов, отправил на фронт 8 бригад, а в угольные районы и на лесозаготовки — 22 бригады исполнителей.

Планы театра: постановка оперы С. Прокофьева «1812 год», балета «Золушка»— его же, возобновление спектаклей «Спящая красавица», «Кармен», «Дубровский». Бригада, в которую входят Коваль, Баратов, Браун и Ельцин, работает над созданием оперы, посвящённой обороне Севастополя.

Л. Лозинская

Работы скульптора Е. Вучетич на выставке, посвящённой 25-летию Красной Армии. Наши славные предки (сверху вниз): А. В. Суворов, М. И. Кутузов, Денис Давыдов.

Новая программа Всесоюзной студии эстрадного искусства: «А вот, а вот, подходи, народ!..» На снимках: слева — балетный номер «Русская тройка» в исполнении А. Мозговой, Т. Гумбург, А. Емельяненко и Г. Орлика (ямщик). Справа — балаган «Развлечение и польза».

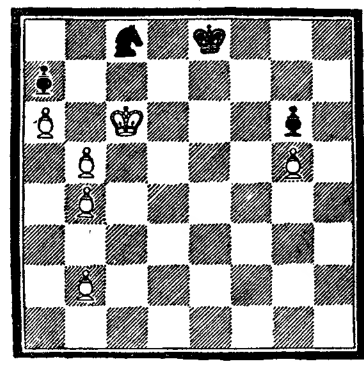
Фото Б. Цейтлина.

Шахматы

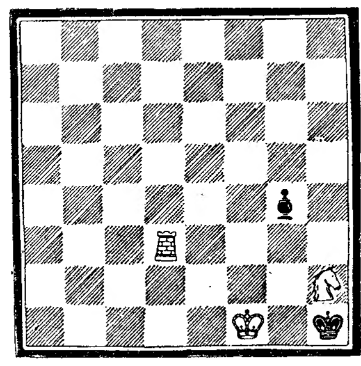
Под редакцией мастера СССР Н. Зубарева

Этюд мастера СССР по шахматной композиции В. Королькова (Свердловск).

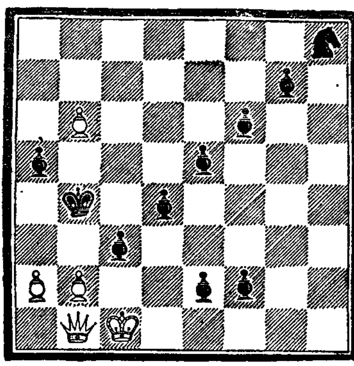
Белые начинают и выигрывают.

Задача Г. Карпентер.

Белые начинают и выигрывают.

Этюд В. Королькова.

Белые начинают и выигрывают.

ТУРНИР МОСКОВСКИХ МАСТЕРОВ

Готовясь к предстоящему в апреле тренировочному сбору лучших шахматистов СССР в Свердловске, московские мастера провели турнир, два победителя которого примут участие в указанном сборе.

В турнире принимали участие заслуженный мастер спорта Романовский, мастера Алаторцев, Загорянский, Лисицын, Микенас, Панов, Ровинский, Рагозин и Юдович.

Победителями на турнире вышли Рагозин и Загорянский, получившие по 10 очков.

МАТЧ САЙГИН—МАСТЕР ПАНОВ

В мае в Казани состоится матч на звание мастера СССР по шахматам между чемпионом Татарской АССР шахматистом 1-й категории Сайгиным и московским мастером Пановым.

Матч будет играться из 14 партий. В случае выигрыша матча или сведения его вничью тов. Сайгин получит звание мастера.

В конце номера

ВЕЛИКИЕ ТРАДИЦИИ РУССКИХ ПАТРИОТОВ

Свыше 7 миллиардов рублей внесли трудящиеся СССР, следуя почину тамбовских колхозников, в фонд Красной Армии. И в прошлом русские патриоты так же отвечали на призыв к защите родины

2 сентября 1812 года наказной атаман войска Донского генерал-майор Денисов 6-й пишет черкасскому начальству:

«Получив ваш рапорт от 29 августа относительно пожертвованных Старочеркасской станицы казаком Иваном Журкиным — по случаю настоящего ополчения, из усердия к отечественному благу четырёх лошадей и прочего воинского оружия,— я о благонамеренном поступке казака Журкина приятною для себя обязанностью поставил теперь же предписать всем начальствам оповестить немедленно по ведомствам своим через нарочных. Черкасскому начальству предлагаю также по получении сего тотчас через нарочных оповестить по всему своему ведомству о пожертвовании сем, и именно, в чём оно состоит, с таким в каждой станице нарочным объявлением, что если будут и другие чиновники или казаки, которые из любви к отечеству захотят так же приносить по мере жертву, как то: на продовольствие армии волов и яловых коров не моложе четырёх лет, то оную от таковых благонамеренных принимая по станицам, оставлять с надлежащим сбережением, а начальство, которое приняв заботу довольствовать их на лучших пастбищных местах, должно в то же время всякий раз с почтой давать мне знать о имени пожертвовавших и числе пожертвованного, для донесения».

Московский житель А. А. Куманин первым пожертвовал деньги на нужды ополчения 1812 года, внеся 50 тысяч рублей.

Ввиду бедности тогдашнего крепостного крестьянства пожертвования на оборону поступали только от небольшого круга патриотов. Крупные суммы, внесённые теперь колхозным крестьянством и всем населением Союза, свидетельствуют не только о патриотизме, но и о зажиточности широчайших масс Советской страны.

Среди документов о 1812 годе немалый интерес представляют письма генерала Роберта Вильсона, главы английской военной миссии в России в 1812 году.

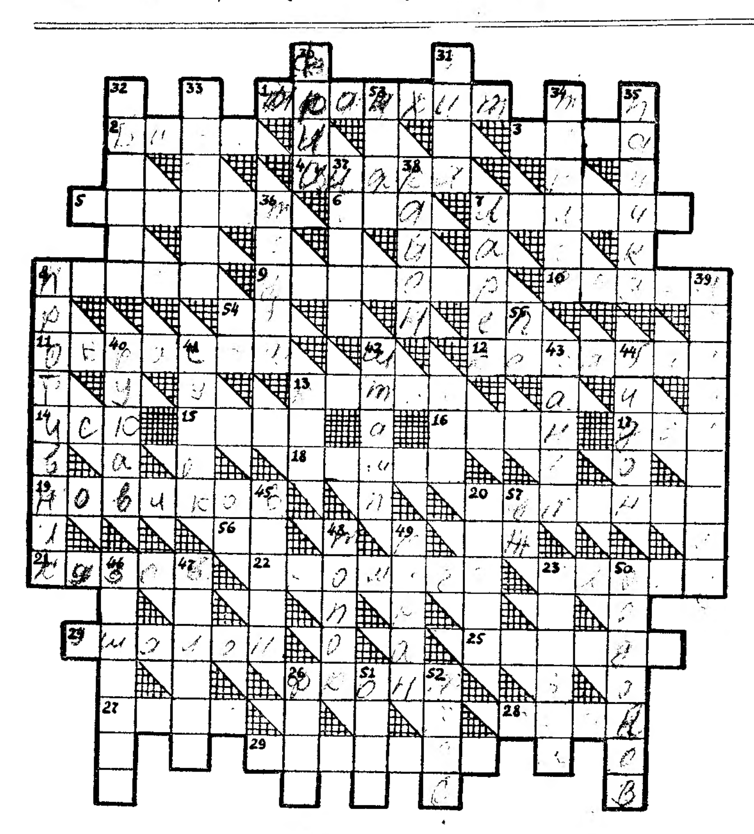
Вильсон писал руководящим государственным деятелям Англии той поры: «Что за земля Россия? Какие патриотические добродетели? Какой благородный дух?.. В сем государстве души не унижаются при наступлении опасностей... Любовь русских к своему отечеству увеличивается и воспламеняется от них...»

НОВЫЕ ВОЕННЫЕ МАРКИ

Великая отечественная война находит отражение в «миниатюрных плакатах» — почтовых марках. На днях появилась новая серия марок, посвящённых военным эпизодам и помощи тыла фронту.

Семь марок рассказывают о подвигах Героев Советского Союза Гастелло, Талалихина, Доватора, Зои Космодемьянской и Шуры Чекалина.

Кроссворд

Составил читатель «Огонька» Л. В.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Болезнь. 2. Приморский город в СССР. 3. Продукт хлопковой промышленности. 4. Элемент арифметики. 5. Преступник. 6. Героиня романа Виктора Гюго. 7. Музыкальный инструмент. 8. Точка. 9. Районный центр Московской области. 10. Офицерский чин в казачьих войсках. 11. Способ маскировки. 12. Вид оружия. 13. Животное. 14. Юридический термин. 15. Электрический прибор. 16. Сельская постройка. 17. Река в СССР. 18. Музыкальный инструмент. 19. Русский писатель XVIII века. 20. Сторонник косности. 21. Часть автомашины или самолёта. 22. Крупная масса. 23. Предприятие. 24. Воинский поезд. 25. Юридический термин. 26. Название советской пьесы. 27. Женское имя. 28. Число. 29. Двигатель. 56. Земельная мера.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

7. Торговая точка. 8. Враг. 20. Железнодорожная станция в Курской области. 23. Светило. 26. Пьеса советского драматурга. 30. Презрительная кличка гитлеровцев. 31. Предмет верховой упряжи. 32. Древний властелин. 33. Воин. 34. Город в Северной Африке. 35. Неудержимый страх. 36. Часть печи. 37. Представление о высшем совершенстве. 38. Административно-территориальная единица. 39. Героический город. 40. Предмет пожарного снаряжения. 41. Животное. 42. Клеймо. 43. Сорт яблок. 44. Сосуд. 45. Средство передвижения. 46. Гашёная известь. 47. Город в Испании. 48. Инструмент. 49. Приём в воздушном бою. 50. Профессия. 51. Особая форма кислорода. 52. Стальной канат. 53. Тропическое растение. 54. Животное. 55. Балетный термин. 57. Змея.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, помещённый в № 10—11 «Огонька»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Каска. 4. Актёр. 7. Чибис. 10. Тир. 11. Ива. 12. Опора. 13. Офорт. 14. Барак. 15. Ком. 16. Уха. 17. Сетка. 18. Анапа. 23. Накал. 26. Сто. 27. Или. 29. Кабина. 32. Мак. 34. Сатира. 38. Ока. 40. Око. 41. Ротор. 42. Уж. 43. Ус. 44. Рокот. 45. Мат. 48. Тит. 50. Арарат. 53. Буг. 55. Канава. 58. Уфа. 60. Нос. 62. Агама. 65. Округ. 67. Фраза. 70. Тур. 71. Рур. 72. Автол. 73. Мечта. 74. Отара. 75. Ара. 76. Дон. 77. Тарас. 78. Трава. 79. Тоска.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Кросс. 2. Спорт. 3. Атака. 4. Аромат. 5. Тропа. 6. Ритуал. 7. Чабан. 8. Бурак. 9. Сокол. 18. Еда. 19. Кюи. 21. Ном. 22. Пик. 24. Акт. 25. Акр. 26. Сак. 28. Иск. 29. Карта. 30. Битва. 31. Норма. 33. Ар. 35. Аорта. 36. Искра. 37. Астра. 39. Аут. 40. Ост. 46. Ату. 47. Ау. 49. Икс. 51. Рог. 52. Ром. 53. Бак. 54. Гну. 56. Нар. 57. Воз. 59. Формат. 61. Ограда. 62. Азарт. 63. Автор. 64. Атлас. 66. Речка. 67. Фронт. 68. Аракс. 69. Агава.

Зам. отв. редактора — И. ЕРУХИМОВИЧ. Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

А150. 2½ п. л. Подписано к печати 9/IV—43 г. Изд. № 237 Тираж 100.000. Заказ № 626.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ВЕСЕННЯЯ ОХОТА

«...Улицы наших городов кажутся вымершими».
(«Дейче альгемейне цейтунг»).

На улицах германских городов.

Рисунок Бор. Ефимова.

Огонёк

Цена 2 рубля